СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXIII, № 1.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ЗА 1883 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ
М. И. Сухомлиновымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1884.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1884 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1883 годъ,

составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1883 года.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, сверхъ обыкновенныхъ своихъ собраній, имѣло въ этомъ году два публичныя засѣданія: одно — въ память Жуковскаго, другое — въ день столѣтія со времени учрежденія Россійской Академіи.

30-го января этого года Отдѣленіе русскаго языка и словесности праздновало столѣтнюю годовщину рожденія Жуковскаго. Къ участію въ этомъ литературномъ празднествѣ были приглашены отдѣленіемъ нѣкоторые изъ писателей: профессоръ О. Ѳ. Миллеръ, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій и П. И. Вейнбергъ. Засѣданіе отдѣленія почтилъ своимъ присутствіемъ Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ. По представленію Отдѣленія, исходатайствовано г. президентомъ Академіи Наукъ 1,000 рублей на учрежденіе преміи Жуковскаго за лучшее о немъ сочиненіе, которое должно быть представлено къ 1-му мая 1885 года.

21-го октября происходило публичное засѣданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности по случаю столѣтія Россійской Академіи. Ровно сто лѣтъ тому назадъ, 21-го октября 1783

года, открыта была Россійская Академія, преобразованная впослѣдствіи, въ 1841 году, во второе отдѣленіе Академіи Наукъ или въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Отдѣленіе считаетъ своимъ долгомъ выразить искреннюю признательность тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя почтили отдѣленіе своимъ привѣтомъ въ этотъ знаменательный для Академіи день.

Съ живѣйшею благодарностью вспоминаетъ отдѣленіе и о содѣйствіи, оказанномъ ему писателями, участвовавшими въ академическомъ празднествѣ въ честь Жуковскаго, и членомъ Государственнаго Совѣта Н. И. Стояновскимъ, которому принадлежитъ починъ въ устройствѣ чествованія памяти поэта въ Петербургѣ. Н. И. Стояновскій принялъ дѣятельное участіе и въ устройствѣ выставки портретовъ, рукописей и изданій Жуковскаго и вообще предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ его жизни и литературной дѣятельности.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности присудило въ этомъ году Ломоносовскую премію неутомимому труженику въ области литературной археологіи, о. архимандриту Амфилохію, руководствуясь при этомъ слѣдующими соображеніями.

Для успѣховъ русской филологіи, для полноты выводовъ, которые должны освѣтить историческій ходъ русскаго языка, необходимо изданіе многихъ важныхъ памятниковъ, описаніе и обозрѣніе малоизвѣстныхъ рукописныхъ сборниковъ, опредѣленіе ихъ палеографическихъ особенностей, и т. п. — словомъ, необходимы труды библіографическіе и археологическіе.

Уже первый трудъ, удостоенный Ломоносовской преміи по Отдѣленію русскаго языка и словесности, принадлежалъ къ числу такихъ явленій русской научной литературы, которыя, не задаваясь рѣшеніемъ какого либо спеціальнаго вопроса, сразу дѣлаютъ необходимымъ пособіемъ для успѣшной разработки цѣлаго ряда ихъ. Это было знаменитое «Описаніе славянскихъ рукописей синодальной библіотеки». Два раза послѣ того приходилось Отдѣленію присуждать преміи по лексикографическимъ и одинъ разъ по грамматическимъ трудамъ. Присуждая въ нынѣшнемъ

году Ломоносовскую премію, отдѣленіе воздаетъ должное неутомимой дѣятельности почтеннаго труженика въ области литературной археологіи архимандрита о. Амфилохія, окончившаго въ послѣдніе годы нѣсколько важныхъ трудовъ по древне-русской письменности въ связи съ греческою. Въ особенности выдается новѣйшій его трудъ — изданіе галичскаго четвероевангелія 1144 года, въ трехъ томахъ, 1882—1883 г. Памятникъ, нынѣ изданный о. Амфилохіемъ, занимаетъ видное мѣсто въ древнерусской письменности XII вѣка. Желая прослѣдить въ древнерусской письменности черты русскихъ нарѣчій, отличающихъ нынѣ югъ отъ сѣвера и запада, изслѣдователи исторіи русскаго языка останавливались главнымъ образомъ на этомъ памятникѣ, потому что нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства, въ связи съ особенностями языка, заставляли предполагать, что памятникъ этотъ можно считать родоначальникомъ письменности юго-западно-русской. Теперь, когда памятникъ изданъ, изслѣдованіе всѣхъ особенностей его должно доказать, насколько подобныя предположенія основательны. Какъ въ другихъ многотомныхъ изданіяхъ почтеннаго археолога, такъ и въ этомъ трудѣ, напечатанномъ въ трехъ обширныхъ томахъ, встрѣчаются и такіе пріемы, съ которыми нельзя согласиться. Но несомнѣнная заслуга о. Амфилохія заключается какъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ памятникъ доступнымъ для изслѣдователей, такъ и въ томъ, что приводимыми изъ другихъ памятниковъ разночтеніями далъ возможность вникнуть въ характеръ ихъ перевода, опредѣлить ихъ взаимную зависимость и ихъ отношеніе къ юго-славянскимъ подлинникамъ, въ высшей степени важнымъ въ филологическомъ отношеніи.

Трудъ почтеннаго ученаго, появившійся въ свѣтъ въ этомъ году, представляетъ новое доказательство неутомимой дѣятельности автора. Признавая неоспоримымъ, что труды его вообще вносятъ въ славянскую филологію богатый вкладъ драгоцѣнныхъ источниковъ и пособій, Отдѣленіе русскаго языка и словесности присудило о. архимандриту Амфилохію Ломоносовскую премію. Подробный отчетъ объ этомъ присужденіи, составленный акаде-

микомъ И. В. Ягичемъ, будетъ помѣщенъ въ изданіяхъ нашего отдѣленія.

Число академическихъ премій почти ежегодно увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ усложняются и занятія Отдѣленія, на которое возлагается какъ составленіе правилъ для премій, такъ и разсмотрѣніе сочиненій, поступающихъ на преміи. Къ общимъ трудамъ отдѣленія, въ этомъ году, относится составленіе проекта правилъ для преміи профессора Котляревскаго, учрежденныхъ вдовою его для увѣнчанія сочиненій по славянской археологіи и филологіи, и др.

Увеличеніе числа премій, присуждаемыхъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности; сопряженная съ этимъ весьма обширная переписка; многочисленность трудовъ, помѣщаемыхъ въ изданіяхъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ, и другія соображенія послужили поводомъ къ тому, что г. президентомъ Академіи Наукъ, графомъ Д. А. Толстымъ, исходатайствовано было 5,000 руб. ежегодно на усиленіе средствъ Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Къ числу трудовъ, возложенныхъ на Отдѣленіе русскаго языка и словесности, при ближайшемъ и непосредственномъ участіи одного изъ его членовъ, принадлежитъ изданіе матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ. Главнымъ источникомъ для этого изданія должно служить богатое собраніе рукописей, хранящихся въ такъ-называемомъ архивѣ академической канцеляріи. О значеніи этого архива, а равно и о большихъ затрудненіяхъ при пользованіи имъ можно судить по слѣдующему отзыву академика Пекарскаго, автора исторіи Академіи Наукъ: «Въ этомъ архивѣ нѣтъ описей, а потому, чтобы ознакомиться съ содержаніемъ хранящихся здѣсь матеріаловъ или найти какія-либо нужныя извѣстія, необходимо долгое и кропотливое разсмотрѣніе значительнаго количества фоліантовъ, писанныхъ по большей части дурною скорописью XVIII вѣка. Академическая канцелярія есть то самое учрежденіе, на самовластіе котораго такъ часто слышались жалобы отъ старинныхъ академиковъ. «Въ оной канце-

ляріи—говорится въ отвѣтѣ Сенату, 1745 года—всѣ президенты присутствовали, и къ профессорамъ ордеры, а во всѣ подчиненныя мѣста указы посылались. И всѣ дѣла происходили изъ канцеляріи; контракты съ профессорами, адъюнктами и съ прочими служительми» и т. д. Въ архивѣ академической канцеляріи находится много любопытныхъ матеріаловъ для исторіи не только просвѣщенія, но даже искусствъ и ремеслъ въ Россіи XVIII столѣтія. Занимаясь исторіею образованія въ Россіи, и пользуясь для этой цѣли рукописями Академіи Наукъ, графъ Д. А. Толстой убѣдился на опытѣ въ важномъ значеніи академическаго архива, и немедленно по вступленіи своемъ въ должность президента Академіи Наукъ обратилъ вниманіе на необходимость изданія архивныхъ матеріаловъ и прежде всего — протоколовъ академической канцеляріи. Но такъ-какъ за нѣкоторые годы, относящіеся къ первому періоду Академіи, вовсе не сохранилось протоколовъ, а между тѣмъ свѣдѣнія объ этой древнѣйшей порѣ академической жизни представляютъ особенный интересъ, то предположено, по крайней мѣрѣ на первый разъ, не ограничиваться одними протоколами, а помѣщать и другіе документы, имѣющіе отношеніе къ исторіи Академіи Наукъ и находящіеся въ академическомъ или въ другихъ какихъ-либо архивахъ. По ходатайству г. президента Академіи Наукъ, на изданіе матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ назначено по 5,000 рублей ежегодно, въ теченіе трехъ лѣтъ. Часть этой суммы опредѣлена для покрытія расходовъ по разбору и приведенію въ порядокъ массы бумагъ, хранящихся въ академическомъ архивѣ съ незапамятныхъ временъ. Подготовительныя работы по предпринятому изданію приближаются къ окончанію, и отдѣленіе надѣется вскорѣ приступить къ печатанію «Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ».

Другой трудъ, предпринятый отдѣленіемъ въ истекающемъ году, относится къ области отечественнаго языка. Извѣстно, сколько недоразумѣній встрѣчается въ этой области вслѣдствіе крайней неопредѣленности нашего правописанія. Чтобы содѣй-

ствовать устраненію различныхъ невѣрностей и неточностей, преимущественно въ правописаніи, отдѣленіе признало нужнымъ разъяснить нѣкоторые спорные вопросы нашей грамматики, сообразно съ современнымъ состояніемъ филологіи, и съ тѣми требованіями, которыя указываются самою исторіею нашего языка. По порученію отдѣленія, академикъ Я. К. Гротъ составилъ руководство по русской фонетикѣ и ороографіи, которое предназначается къ изданію *отъ отдѣленія*, и поэтому прочитывается и обсуживается въ засѣданіяхъ отдѣленія для общаго соглашенія во взглядѣ по всѣмъ вопросамъ этой части.

Въ истекающемъ году, какъ и въ предшествовавшіе годы, труды членовъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ частію помѣщаемы были въ академическихъ изданіяхъ, частію выходили отдѣльными книгами.

Академикъ Я. К. Гротъ оканчивалъ печатаніе IX-го тома академическаго изданія сочиненій Державина, и особенно занятъ былъ приготовленіемъ полнаго указателя ко всему изданію, въ высшей степени необходимаго для изслѣдователей при пользованіи многотомнымъ изданіемъ. Въ девятомъ, послѣднемъ, томѣ, сверхъ разнаго рода дополненій къ предыдущимъ томамъ и множества пояснительныхъ примѣчаній, помѣщены и нѣкоторые историческіе документы, какъ напримѣръ новые матеріалы для исторіи пугачевщины и записка академика Штелина о послѣднихъ дняхъ царствованія Петра III, впервые появившаяся въ печати въ своемъ полномъ видѣ. Академикъ Штелинъ былъ домашнимъ человѣкомъ у Императора Петра III, и находился при немъ неотлучно въ роковые для него дни—28-го и 29-го іюня 1762 года. Кромѣ того въ этотъ томъ вошелъ между прочимъ словарь къ стихотвореніямъ Державинымъ, съ общимъ разсмотрѣніемъ языка его.

Продолжая труды свои по изданію сочиненій Плетнева, академикъ Гротъ окончилъ печатаніе прозы, занявшей два съ половиною тома. Затѣмъ, собравъ всѣ стихотворенія этого писателя, разбросанныя по журналамъ и альманахамъ двадцатыхъ годовъ,

онъ напечаталъ выборъ изъ нихъ, и приступилъ къ печатанію писемъ Плетнева. Въ настоящее время печатается переписка его съ Пушкинымъ.

Въ этомъ же году, академикъ Гротъ печаталъ третье изданіе своихъ «Филологическихъ Разысканій», пополненное многими новыми статьями. Первый томъ почти уже отпечатанъ.

Сверхъ того, преимущественно въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, появились слѣдующія статьи нашего академика:

1. Замѣчанія о взаимномъ отношеніи нѣкоторыхъ славянскихъ и скандинавскихъ словъ, по поводу двухъ изслѣдованій шведскаго ученаго Тамма. Напечатаны въ Archiv für slavische Philologie и въ Филологическихъ запискахъ, издаваемыхъ въ Воронежѣ.

2. Императоръ Іосифъ II въ Россіи, по донесеніямъ шведскаго посланника Нольке,—напечат. въ «Русской Старинѣ».

3. Подробный обзоръ книги іенскаго профессора Сиверса: «Основанія фонетики», съ критическими замѣчаніями, — напечат. въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

4. Критическая оцѣнка появившейся па датскомъ языкѣ книги профессора славянскихъ нарѣчій въ Копенгагенскомъ университетѣ Каспара Смита: «Исторія русской литературы». Замѣтка о ней напечатана въ стокгольмскомъ литературномъ журналѣ и въ *Сборникѣ* втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.

Академикъ Гротъ сотрудничалъ, по предметамъ, касающимся русской литературы, въ шведскомъ энциклопедическомъ словарѣ, издаваемомъ въ Стокгольмѣ, подъ названіемъ: Nordisk Familiebok.

По порученію Императорскаго Русскаго Историческаго общества, Я. К. Гротъ приступилъ къ печатанію, на французскомъ языкѣ, новаго, значительно пополненнаго изданія сохранившихся писемъ барона Гримма къ Императрицѣ Екатеринѣ II.

Академикъ А. Н. Веселовскій издалъ VI—X главы своихъ «Разысканій въ области русскаго духовнаго стиха», въ которыхъ преслѣдуетъ тѣ же цѣли сближенія славянорусскаго и иностраннаго народно-поэтическаго матеріала и ихъ взаимнаго объясненія. Результаты подобной работы могутъ одинаково послужить на

пользу той и другой изъ изучаемыхъ областей; разборъ 2-й главы Разысканій (св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ), предложенный недавно Heinzel'емъ (Anzeiger von deutsches Alterthum und deutsche Litteratur, IX, 3 Juli 1883), служитъ доказательствомъ вниманія, съ которымъ представители западной науки начинаютъ слѣдить за русскими трудами этого рода. Важны для нихъ и особенности методологическихъ воззрѣній, обусловленныя не столько личными пріемами изслѣдователя, сколько особенностями его данныхъ; и научныя изслѣдованія этихъ данныхъ, которыя, будучи поставлены въ связь съ однородными западными, нерѣдко измѣняютъ взглядъ на происхожденіе и историческое развитіе общаго имъ круга воззрѣній. Такъ славяно-русскія и греческія сказанія о «крестномъ древѣ» освѣщаютъ сложныя судьбы этой легенды на западѣ, южно-славянскія и русскія представленія объ Ильѣ пророкѣ умѣряютъ крайности взгляда, давно выраженнаго и повтореннаго недавно — на тождественность народнаго Ильи съ Иліемъ-Геліосомъ и т. п.

Изслѣдованія автора о южно-русскихъ былинахъ», продолженіе которыхъ (гл. III—X) нынѣ печатается, также относятся къ общему вопросу о генезисѣ эпоса, давно отложившагося на западѣ въ литературныхъ формахъ и забывшаго ту, болѣе простую форму народной былевой пѣсни, которую лишь славянскій изслѣдователь можетъ изучить въ полнотѣ и относительно живомъ преданіи. Рядомъ съ «южно-русскими былинами» и «Разысканіями» авторъ началъ помѣщать въ запискахъ Академіи новый рядъ своихъ научныхъ работъ подъ названіемъ: Замѣтки по литературѣ и народной словесности. Явился пока первый выпускъ, въ которомъ помѣщенъ, между прочимъ, комментарій къ старой русской повѣсти о «Василіи королевичѣ златовласомъ чешскія земли», давно извѣстной по заглавію, но лишь недавно вновь открытой въ рукописяхъ Имп. публ. библ. нашимъ сочленомъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

Академикъ И. В. Ягичъ издалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древне-славянской письменности, о которомъ

упоминалось въ отчетѣ за 1882 годъ — маріинское четвероевангеліе глаголическаго письма конца X-го или начала XI-го вѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ. что В. И. Григоровичъ во время путешествія своего по Турціи пріобрѣлъ на Аѳонѣ глаголическое четвероевангеліе замѣчательной древности, представителей славянской филологіи какъ въ Россіи, такъ и за границею, не переставали настаивать на томъ, чтобы памятникъ былъ изданъ. Желанію этому суждено было осуществиться не ранѣе, какъ въ теченіи нынѣшняго года. Его опередило нѣсколькими годами изданіе такого же памятника, знаменитаго Зографскаго евангелія, которое на ряду съ Остромировымъ евангеліемъ составляетъ неоцѣнимый кладъ нашей публичной библіотеки. Если уже изданіе Зографскаго евангелія И. В. Ягичемъ въ 1879 году въ Берлинѣ встрѣчено было критикою очень сочувственно, то еще бóльшей признательности въ правѣ ожидать сочленъ нашъ за строго-ученое изданіе Маріинскаго евангелія, въ которомъ онъ не ограничился вѣрною передачею текста и критическимъ подборомъ важнѣйшихъ разночтеній, но въ видѣ приложеній присоединилъ обширныя изслѣдованія, относящіяся къ палеографическимъ, грамматическимъ и другимъ особенностямъ издаваемаго памятника. Позволимъ еще указать на приложенный въ концѣ словарь (словоуказатель), какъ на трудъ образцовый.

Второй трудъ И. В. Ягича, о которомъ тоже упоминалось въ отчетѣ за 1882 годъ, изданіе памятниковъ древнерусской письменности, безъ котораго немыслима исторія русскаго языка — теперь уже настолько подвинулся, что первый томъ, обнимающій оба древнѣйшие памятника древнерусской письменности послѣ Остромирова евангелія и двухъ сборниковъ Святослава, съ точно опредѣленными годами 1096 и 1097, выйдетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Академикъ И. В. Ягичъ продолжалъ и въ этомъ году издавать свой ученый журналъ «Архивъ», спеціально посвященный славянской филологіи; седьмой томъ «Архива» выйдетъ надняхъ. Сверхъ многихъ критико-библіографическихъ статей, въ кото-

рыхъ редакторъ обозрѣваетъ широкую область славянской филологіи, по изданіямъ на различныхъ славянскихъ языкахъ, обращаютъ на себя вниманіе обширныя статьи, написанныя также самимъ редакторомъ о Синайскомъ требникѣ и молитвословѣ и о новѣйшей попыткѣ палеографическаго объясненія славянскаго письма.

Отвергая мнѣніе о происхожденіи глаголическаго письма изъ албанскаго, академикъ нашъ отстаиваетъ его греческій источникъ, полагая, что оно преимущественно, если не исключительно, образовалось изъ греческаго минускульнаго письма.

20-го іюля этого года скончался въ Пятигорскѣ членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ по второму ея отдѣленію Алексѣй Егоровичъ Викторовъ.

По окончаніи, въ 1850 году, курса наукъ въ московской духовной академіи, А. Е. Викторовъ поступилъ на службу въ московскій архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Служба въ архивѣ пришлась какъ нельзя болѣе по душѣ Викторову: міръ рукописей сдѣлался роднымъ ему міромъ, изученію котораго онъ предался со всѣмъ жаромъ человѣка, угадавшаго свое настоящее призваніе. Ровно черезъ десять лѣтъ, въ 1862 году, Викторовъ назначенъ хранителемъ отдѣленія рукописей и старопечатныхъ книгъ въ московскомъ публичномъ и румянцевскомъ музеяхъ. Несомнѣннымъ доказательствомъ дѣятельности Викторова на этомъ поприщѣ служатъ слѣдующія, краснорѣчивыя данныя. До Викторова, въ отдѣленіи, которымъ онъ завѣдывалъ впослѣдствіи, старопечатныхъ книгъ было 200 и рукописей 800; при Викторовѣ и благодаря ему, число книгъ возросло до 3.000, а число рукописей — до 5.000. И эти богатства, накопленныя имъ съ необычайными усиліями и трудностями, онъ дѣлалъ общедоступными, открывая ихъ съ самою искреннею радостью для каждаго, желавшаго пользоваться ими съ научною цѣлью. Съ какимъ живымъ участіемъ относился онъ къ вопросамъ литературы и науки, объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ тѣ лица, которымъ приходилось работать въ музеѣ и

бесѣдовать съ Викторовымъ. Въ душѣ ихъ сохранится навсегда его свѣтлый образъ и воспоминаніе о его неоцѣнимой готовности дѣлиться драгоцѣнными сокровищами, собиранію которыхъ онъ посвятилъ всю свою жизнь.

Работая неутомимо, Викторовъ обогатилъ нашу научную литературу весьма цѣнными вкладами. Назовемъ хотя нѣкоторые изъ нихъ

— Очеркъ собранія рукописей Ундольскаго.

— Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Пискарева.

— Собраніе рукописей В. И. Григоровича.

— Собраніе рукописей П. И. Севастьянова.

— Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева.

— Алфавитный указатель славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки.

— Кириллъ и Меѳодій. Новые источники и ученые труды для исторіи славянскихъ апостоловъ.

— Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде 1564 года, и мн. друг.

Послѣднее изслѣдованіе есть часть обширнаго, неизданнаго еще труда. Къ числу важнѣйшихъ рукописныхъ трудовъ Викторова принадлежитъ описаніе Макарьевскихъ чети-миней, сличенныхъ съ чети-минеями другихъ русскихъ редакцій, съ указаніемъ подлинниковъ жизнеописаній въ греческихъ рукописяхъ или въ латинскихъ переводахъ въ Acta sanctorum и т. д.

---

22 августа этого года скончался членъ-корреспондентъ Академіи наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Въ одно время съ Тургеневымъ избраны были, въ 1860 году, въ члены-корреспонденты Академіи наукъ: И. А. Гончаровъ—по Отдѣленію русскаго языка и словесности, Эрнестъ Ренанъ и Леопольдъ Ранке—по разряду

историко-политическихъ наукъ и Клодъ-Бернаръ—по біологическому разряду. Избирая Тургенева, Академія наукъ воздавала должное заслугамъ писателя, замѣчательнаго и по своему таланту и по своей образованности. Вполнѣ понимая значеніе науки, онъ искренно дорожилъ успѣхами просвѣщенія въ Россіи.

Научное образованіе свое Тургеневъ началъ въ московскомъ университетѣ, продолжалъ въ петербургскомъ и окончилъ въ берлинскомъ. Тургеневъ былъ студентомъ по историко-филологическому факультету, называвшемуся также и «словеснымъ факультетомъ» и «первымъ отдѣленіемъ философскаго факультета». Въ 1833 году Тургеневъ поступилъ въ московскій университетъ; пробылъ тамъ годъ, и выдержавъ экзаменъ изъ перваго курса во второй, перешелъ, въ 1834 году, въ петербургскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ, въ 1836 году, съ степенью дѣйствительнаго студента. По тогдашнимъ правиламъ, «степени *дѣйствительнаго студента* удостоивались только тѣ, у коихъ въ частномъ числѣ изъ факультетскихъ предметовъ болѣе 3; при удостоеніи ученой степени *кандидата*, кромѣ баловъ въ частномъ числѣ не менѣе $3\frac{2}{3}$, особенно принималось въ уваженіе достаточное знаніе греческаго языка, прилежное посѣщеніе лекцій и явное возростаніе успѣховъ въ продолженіе трехлѣтняго курса». Не довольствуясь степенью дѣйствительнаго студента и «желая болѣе усовершенствоваться въ наукахъ посѣщеніемъ университетскихъ лекцій», Тургеневъ остался въ университетѣ еще на годъ, и снова держалъ окончательный экзаменъ. Въ журналѣ засѣданія перваго отдѣленія философскаго факультета, 24 іюня 1837 года, читаемъ: «дѣйствительный студентъ Тургеневъ, выпущенный изъ университета съ сею степенью въ прошломъ году; съ разрѣшенія совѣта, посѣщавшій цѣлый годъ лекціи третьяго курса, и оказавшій на нынѣшнемъ испытаніи вездѣ отличные или очень хорошіе успѣхи, удостоивается степени кандидата».

Будучи еще студентомъ, Тургеневъ выступилъ на литературное поприще. Онъ представлялъ на судъ профессора русской

словесности П. А. Плетнева свои первые опыты, въ числѣ которыхъ была и фантастическая драма *Стеніо*, написанная въ подражаніе Байроновскому Манфреду. П. А. Плетневъ пользовался особеннымъ сочувствіемъ своихъ слушателей: въ глазахъ ихъ онъ былъ окруженъ ореоломъ, какъ другъ Пушкина, Жуковскаго и Гоголя, какъ лицо, которому Пушкинъ посвятилъ своего Евгенія Онѣгина. Тургеневъ говоритъ: кто изучилъ Плетнева, не могъ не признать въ немъ

Души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты...

Одинъ изъ даровитѣйшихъ товарищей Тургенева такимъ образомъ отзывается о тогдашнемъ состояніи петербургскаго университета: «Какъ ни слабъ еще былъ духъ науки, и въ преподавателяхъ и въ учащихся, университетъ нашъ давалъ воспитанникамъ своимъ, по отношенію къ умственному ихъ развитію, гораздо болѣе, чѣмъ другія, спеціальныя учебныя заведенія высшаго разряда; въ нравственномъ же отношеніи вліяніе его оказывалось въ высшей степени благотворнымъ. Изъ стѣнъ университета студенты выходили съ несравненно болѣе чистыми понятіями и гораздо благороднѣйшими стремленіями, чѣмъ тѣ, какія пріобрѣтались и внушаемы были подъ домашнимъ кровомъ,—выходили съ горячимъ чувствомъ любви къ родинѣ, съ расположеніемъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, всему для нея полезному, съ вѣрою въ будущность Россіи».

По выходѣ изъ петербургскаго университета, Тургеневъ отправился «доучиваться» въ Берлинъ. Въ берлинскомъ университетѣ было тогда много горячихъ приверженцевъ Гегеля, занимавшаго тамъ каѳедру философіи съ 1818 года до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1831 году. Идеи Гегеля считались высшимъ откровеніемъ философской науки и, благодаря усердію

гегелистовъ, распространяли свое вліяніе на различныя отрасли, знаній. Находясь въ Берлинѣ, Тургеневъ «занимался философіей, древними языками, исторіей и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля, подъ руководствомъ профессора Вердера». Тургеневъ пробылъ въ Берлинѣ около двухъ лѣтъ.

Годы ученія миновали; наступала пора самостоятельной дѣятельности. Тургеневъ сталъ раздумывать, что́ ему дѣлать съ собою—оставаться ли на родинѣ или искать счастья подъ чужимъ небомъ. Располагая весьма значительными матеріальными средствами, онъ могъ не стѣсняться выборомъ и дать полную волю своимъ мечтамъ и предположеніямъ. Его природныя наклонности влекли его туда, гдѣ представлялось наиболѣе простора и пищи для художественнаго чувства, гдѣ жизнь могла бы устроиться хоть сколько нибудь сообразно съ тѣмъ идеаломъ, который выражается въ стихахъ поэта:

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова . . .
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода . . . .
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье, вотъ права!

Благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ Тургеневъ могъ свободно предаваться эстетическимъ наслажденіямъ. Но судьба зло подшутила надъ нимъ. Нежданно-негаданно онъ очутился въ обстановкѣ, вовсе неудобной для служенія музамъ, именно—въ съѣзжемъ домѣ второй адмиралтейской части. Арестованіе Тургенева произвело большое впечатлѣніе въ петербургскомъ обществѣ. Стали говорить, хотя и весьма робко, о томъ, что Тургеневъ не только писатель, но и дворянинъ, имѣющій двѣ тысячи крестьянъ, и вслѣдствіе этого ожидали какого-

либо заявленія со стороны дворянства, тѣмъ болѣе, что еще недавно самъ государь, обращаясь къ депутатамъ отъ дворянства, назвалъ себя первымъ русскимъ дворяниномъ. Что же касается до званія писателя, то за него некому было заступиться, и оставалось только съ горькою улыбкою повторять остроту, ходившую тогда по Петербургу: «напрасно говорятъ, что литература не пользуется у насъ уваженіемъ; напротивъ того—литература у насъ *въ части*».

Арестъ и послѣдовавшая затѣмъ ссылка имѣли, по свидѣтельству самого Тургенева, такое существенное вліяніе на его литературную дѣятельность, что мы считаемъ необходимымъ остановиться съ нѣкоторою подробностью на печальномъ событіи, которое должно быть представлено въ своемъ настоящемъ свѣтѣ.

Тургеневъ арестованъ за статью, написанную имъ по поводу смерти Гоголя. Жестокая потеря, понесенная русскою литературою, заставила русскихъ писателей взяться за перо для выраженія своей скорби: Некрасовъ выразилъ ее въ стихахъ, Тургеневъ—въ прозѣ. Статья или вѣрнѣе статейка Тургенева, подъ заглавіемъ: *Н. В. Гоголь*, написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ роковой вѣсти: авторъ писалъ ее обливаясь слезами—«плакалъ на взрыдъ». Тургеневъ говоритъ: «Гоголь умеръ! Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова? Онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго мы теперь имѣемъ право—горькое право, данное намъ смертію,—назвать великимъ писателемъ... Мы не въ силахъ теперь спокойно говорить о Гоголѣ. Самый любимый, самый знакомый образъ не ясенъ для глазъ, орошенныхъ слезами... Мысль, что его прахъ будетъ покоиться въ Москвѣ, наполняетъ насъ какимъ-то горестнымъ удовлетвореніемъ. Да, пусть онъ покоится тамъ, въ этомъ сердцѣ Россіи, которую онъ такъ глубоко зналъ и такъ любилъ,—такъ горячо любилъ, что одни легкомысленные или близорукіе не чувствуютъ присутствія этого любовнаго пламени въ каждомъ имъ сказанномъ словѣ... Миръ его праху, вѣчная память его жизни, вѣчная слава его имени!» Въ приведенныхъ нами выдержкахъ заключаются дан-

ныя, на основаніи которыхъ составленъ обвинительный актъ. Но кто былъ его составителемъ, и кѣмъ возбужденъ вопросъ о преслѣдованіи Тургенева. Самъ Тургеневъ приписываетъ всю бѣду навѣтамъ М. Н. Мусина-Пушкина, бывшаго въ то время попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа и предсѣдателемъ цензурнаго комитета. Вотъ подлинныя слова Тургенева: «Я нисколько не намѣренъ обвинять тогдашнее правительство; попечитель с.-петербургскаго округа, теперь уже покойный, Мусинъ-Пушкинъ представилъ, изъ неизвѣстныхъ мнѣ видовъ, все дѣло какъ явное неповиновеніе съ моей стороны. Онъ не поколебался завѣрить высшее начальство, что онъ призывалъ меня лично, и лично передалъ мнѣ запрещеніе печатать мою статью. А я г. Мусина-Пушкина и въ глаза не видалъ, и никакого съ нимъ объясненія не имѣлъ. Нельзя же было правительству подозрѣвать сановника — довѣренное лицо — въ подобномъ искаженіи истины! Но все къ лучшему. Пребываніе подъ арестомъ, а потомъ въ деревнѣ принесло мнѣ несомнѣнную пользу: оно *сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно ускользнули бы отъ моего вниманія*».

Не знаемъ, откуда Тургеневъ заимствовалъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія, но они не вполнѣ подтверждаются обстоятельствами дѣла. Оказывается, что Мусинъ-Пушкинъ не самъ возбудилъ дѣло, а былъ только привлеченъ къ нему въ качествѣ свидѣтеля, и въ показаніяхъ своихъ вовсе не упоминаетъ объ умышленномъ будто-бы неповиновеніи Тургенева. На вопросъ графа А. Ѳ. Орлова, была ли статья Тургенева представлена въ цензурный комитетъ, и «какое послѣдовало постановленіе относительно напечатанія» этой статьи, Мусинъ-Пушкинъ отвѣчалъ, 25 марта 1852 года, слѣдующее: «Статья о Гоголѣ представлена мнѣ была въ корректурѣ 29-го прошедшаго февраля цензоромъ Пейкеромъ, для помѣщенія въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Прочитавъ статью, я не дозволилъ оную печатать. Мнѣ казалось неумѣстнымъ писать о Гоголѣ въ такихъ пыш-

ныхъ выраженіяхъ, едва-ли приличныхъ, говоря о смерти Державина, Карамзина или нѣкоторыхъ другихъ нашихъ знаменитыхъ писателей, и представлять смерть Гоголя какъ незамѣнимую потерю, а нераздѣляющихъ это мнѣніе — легкомысленными или близорукими. Мнѣ казалось, что всѣ эти возгласы, какъ выраженія частнаго мнѣнія, не должно дозволять представлять какъ чувства, впечатлѣнія и воззрѣнія общія». За исключеніемъ этого письма, нѣтъ никакихъ слѣдовъ участія Мусина-Пушкина въ дѣлѣ о Тургеневѣ и о его статьѣ.

Поводомъ къ обвиненію Тургенева послужили другія причины, и прямыя и косвенныя. Нѣкоторыя изъ лицъ, читавшихъ статью Тургенева до появленія ея въ газетѣ, были нѣсколько озадачены тѣмъ, что авторъ называетъ Москву сердцемъ Россіи, а Гоголя — *великимъ* писателемъ. Въ томъ кругу нашего общества, гдѣ нѣмецкій языкъ предпочитался русскому, казалось весьма неприличнымъ сопоставить: Friedrich der grosse и Gogol der grosse. Одна высокопоставленная дама находила, что Тургеневъ наказанъ черезчуръ строго, и хотѣла ходатайствовать за него; но когда ей доложили, что онъ называетъ Гоголя *великимъ* человѣкомъ, она отказалась отъ своего намѣренія, замѣтивши, что Тургеневъ терпитъ подѣломъ.

Въ частномъ письмѣ Тургенева къ И. С. Аксакову были такія строки: «Скажу вамъ безъ преувеличенія: съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатлѣнія, какъ смерть Гоголя. Эта страшная смерть — историческое событіе, понятное не сразу; это — тайна, тяжелая грозная тайна... Ничего отраднаго не найдетъ въ ней тотъ, кто ее разгадаетъ. *Трагическая судьба Россіи* отражается на тѣхъ изъ русскихъ, кои ближе другихъ стоятъ къ ея нѣдрамъ... Гоголь погибъ! Мнѣ, право, кажется, что онъ умеръ потому, что рѣшился, захотѣлъ умереть... Г. Мусинъ-Пушкинъ не устыдился назвать Гоголя публично писателемъ лакейскимъ... Сидя въ грязи по горло, эти люди принялись ѣсть эту грязь, — наздоровье! Благороднымъ людямъ должно теперь крѣпче, чѣмъ ког-

да-нибудь, держаться за себя и другъ за друга. Пускай хоть эту пользу принесетъ смерть Гоголя»! Въ другомъ частномъ письмѣ, къ В. П. Боткину, Тургеневъ спрашиваетъ: «Нельзя ли попробовать напечатать то̀, что̀ я написалъ о Гоголѣ (разумѣется, безъ подписи) въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, какъ отрывокъ изъ письма отсюда? Je voudrais sauver l'honneur des honnêtes gens qui vivent ici». Усиливающимъ вину обстоятельствомъ признано и то̀, что «въ нынѣшнее время литераторы являются дѣйствующими лицами во всѣхъ бѣдственныхъ для государства смутахъ» и то̀, что «Тургеневъ долженъ быть человѣкъ пылкій и предпріимчивый». Въ официальномъ докладѣ говорится только что Мусинъ-Пушкинъ запретилъ статью, а Тургеневъ «вмѣсто того, чтобы покориться рѣшенію начальствующаго лица, отправилъ статью свою въ Москву и напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ». На этомъ основаніи, графъ А. Ѳ. Орловъ предлагалъ: пригласить Тургенева въ третье отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи, сдѣлать Тургеневу должное внушеніе и учредить за нимъ секретный надзоръ. Государь написалъ на докладѣ: «Полагаю, этого мало, а за явное ослушаніе посадить его на мѣсяцъ подъ арестъ, и выслать на жительство на родину, подъ присмотръ».

Черезъ нѣсколько дней по арестованіи Тургенева, оберъ-полицеймейстеръ, по словесному требованію Л. В. Дубельта, предписалъ приставу исполнительныхъ дѣлъ второй адмиралтейской части, чтобы онъ отнюдь никого не допускалъ для свиданія съ содержащимся при этой части помѣщикомъ Тургеневымъ. Находясь подъ арестомъ, Тургеневъ написалъ письмо къ наслѣднику-цесаревичу Александру Николаевичу, къ которому писалъ неоднократно и во время своей ссылки, но неизвѣстно, получалъ ли на свои письма, черезъ кого бы то ни было, отвѣты.

16 апрѣля 1852 года арестованъ Тургеневъ, а 18 мая того же года высланъ на родину, въ деревню, орловской губерніи. Ему запрещено было посѣщать другія его имѣнія, находящіяся въ сосѣднихъ губерніяхъ. Послѣ нѣсколькихъ

неудачныхъ просьбъ о дозволеніи участвовать въ дворянскихъ выборахъ и пріѣхать въ столицу, Тургеневъ получилъ наконецъ желаемое разрѣшеніе. Оно послѣдовало 14 ноября 1853 года, но вмѣстѣ съ тѣмъ приказано «имѣть Тургенева подъ строжайшимъ присмотромъ». При смягченіи участи Тургенева приняты во вниманіе: его раскаяніе, его долговременная ссылка и то обстоятельство, что кромѣ статьи о смерти Гоголя «онъ ни въ чемъ неблагонамѣренномъ никогда замѣченъ не былъ». Прекращенію ссылки Тургенева ревностно содѣйствовалъ графъ А. К. Толстой; объ этомъ съ благодарностью говоритъ самъ Тургеневъ.

По освобожденіи изъ ссылки, Тургеневъ осудилъ самъ себя на новую ссылку — на долгую, даже на вѣчную разлуку съ родиной. Покидая Россію, Тургеневъ, по его собственному свидѣтельству, весьма ясно сознавалъ всѣ невыгоды отторженія отъ родной земли и насильственнаго разрыва всѣхъ связей и нитей, прикрѣпляющихъ къ родному быту. Изъ всѣхъ обвиненій и укоровъ, падавшихъ на Тургенева, онъ самъ признавалъ несомнѣнно справедливыми тѣ, которые основывались на его удаленіи отъ родины. Но чѣмъ же объяснить его добровольное изгнаніе? Какъ на одну изъ причинъ Тургеневъ указываетъ на тогдашнее состояніе нашей общественной жизни и на то невыносимое положеніе, которое выпало въ ней на долю писателей. Онъ говоритъ: «Тяжелыя тогда стояли времена, — пусть читатель самъ посудитъ. Утромъ тебѣ, быть можетъ, возвратили корректуру, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную. На улицѣ тебѣ попалась фигура господина Булгарина или друга его господина Греча. Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ. Литераторъ — кто бы онъ ни былъ — не могъ не чувствовать себя чѣмъ-то въ родѣ контрабандиста» и т. д. Но въ этихъ словахъ заключается столько же оправданія, сколько и осужденія. Тяжело было жить въ Россіи — говоритъ

Тургеневъ; но именно въ такую-то пору лучшіе люди и не должны покидать своей родной земли. Притомъ-же Тургеневъ вѣрилъ въ неизбѣжную побѣду добраго начала надъ злымъ, просвѣщенія надъ невѣжествомъ. Онъ говорилъ: «Рука Бога не перестанетъ сѣять въ души зародыши великихъ стремленій, и рано или поздно свѣтъ побѣдитъ тьму». Но для того, чтобы вѣру эту осуществить на дѣлѣ — чтобы содѣйствовать приближенію благотворнаго свѣта, надо обречь себя на борьбу, а для борьбы необходима сила воли. Отсутствіе этой-то силы и составляло ахиллесову пяту Тургенева. Онъ не только приносилъ повинную въ прирожденномъ своемъ грѣхѣ; но и самъ казнилъ себя, и казнилъ неумолимо — въ тѣхъ изображаемыхъ имъ вымышленныхъ лицахъ, лютое горе которыхъ заключается въ безсиліи воли. Подобно своимъ излюбленнымъ героямъ, онъ не могъ совладать съ своею судьбою. Онъ чувствовалъ ту бездну, которая находилась между нимъ, русскимъ писателемъ, и окружающею его средою; душа его рвалась въ Россію, а онъ все-таки оставался на чужбинѣ, лелѣя въ себѣ грустную думу, чтобы его «тоскующія кости» перенесены были на родину. Онъ всѣмъ сердцемъ понималъ слова поэта:

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ *милому предѣлу*
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать . . . .

Взглядъ Тургенева на людей и людскія дѣла становился все мрачнѣй и мрачнѣй. Напрасно обращался онъ къ матери-природѣ; она являлась уже не любящею, а разрушительною силою: «Всѣ твари мои дѣти, — говорила она — я одинаково о нихъ забочусь и одинаково истребляю ихъ. Я тебѣ дала жизнь, я ее отниму, и дамъ другимъ — червямъ или людямъ, мнѣ все равно»... Подавляемый мыслію о ничтожествѣ человѣка, со всѣми его мечтами и надеждами, Тургеневъ приходитъ къ тому печальному заключенію, что «самая суть жизни нищенски плоска.

Проникнувшись *этимъ* сознаньемъ, отвѣдавъ *этой* полыни, никакой уже медъ не покажется сладкимъ, — и даже высшее, сладчайшее счастье, счастье любви теряетъ все свое обаяніе. Человѣкъ полюбилъ, залепеталъ о вѣчномъ блаженствѣ, — смотришь: давнымъ давно уже нѣтъ слѣда самого того червя, который выѣлъ послѣдній остатокъ его изсохшаго языка»... По поводу споровъ и пререканій, вызванныхъ его сочиненіями, Тургеневъ замѣчаетъ: «Кто черезъ двадцать, тридцать лѣтъ будетъ помнить обо всѣхъ этихъ буряхъ въ стаканѣ воды и — о моемъ имени, съ тѣнью или безъ тѣни»?

По счастью для русской литературы, на этотъ послѣдній вопросъ можно дать отвѣтъ весьма опредѣленный. Имя Тургенева будутъ долго и долго и помнить и цѣнить всѣ тѣ, кому дороги будутъ судьбы родной словесности, кому дорого будетъ безсмертное имя Пушкина, ученикомъ котораго такъ искренно и такъ справедливо называлъ себя Тургеневъ. Выражая желаніе быть погребеннымъ «у ногъ Пушкина», Тургеневъ какъ бы намѣтилъ свое мѣсто и въ исторіи русской литературы: имя Пушкина будетъ стоять въ ней во главѣ того періода, въ которомъ Тургеневъ займетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

Тургеневъ проникнутъ былъ живымъ, непоколебимымъ, благоговѣйнымъ сочувствіемъ къ своему великому учителю. Поэзія Пушкина служила путеводною звѣздою для Тургенева, и много содѣйствовала развитію его художественнаго таланта. Пушкину обязанъ Тургеневъ своимъ эстетическимъ воспитаніемъ — первыми лучами того свѣта, безъ котораго невозможно ни вѣрное пониманіе искусства, ни разумное служеніе ему. Тургеневъ совѣтуетъ каждому начинающему писателю вытвердить наизустъ и помнить какъ заповѣдь безсмертный сонетъ Пушкина:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

. . . . Дорогою *свободной*
Иди, куда влечетъ тебя *свободный* умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный. . .

Поясняя основную мысль сонета Пушкина, Тургеневъ находитъ, что свобода творчества такъ-же необходима для поэзіи, какъ свобода изслѣдованія для науки. Онъ говоритъ: «Ничто такъ не освобождаетъ человѣка, какъ знаніе, и нигдѣ такъ свобода не нужна, какъ въ дѣлѣ художества, поэзіи. . . Главный грѣхъ нашей критики состоитъ въ томъ, что она несвободна. . . Намъ во всемъ и всюду нуженъ баринъ: бариномъ этимъ бываетъ большею частію живой субъектъ, иногда какое-нибудь такъ называемое направленіе. . . Талантъ настоящій никогда не служитъ постороннимъ цѣлямъ; окружающая его жизнь даетъ ему содержаніе — онъ является ея сосредоточеннымъ отраженіемъ; но онъ такъ же мало способенъ написать панегирикъ, какъ и пасквиль. Подчиниться заданной темѣ или проводить программу могутъ только тѣ, которые другаго, лучшаго не умѣютъ».

Придавая такое существенное значеніе свободѣ поэтическаго творчества, Тургеневъ не только оставался вѣренъ лучшимъ преданіямъ и русской и вообще европейской литературы, но и находился на высотѣ современнаго ему уровня философской науки, именно той ея области, въ которую входили вопросы искусства, поэзіи, литературы.

Вопросъ о свободѣ художественнаго творчества поставленъ былъ съ особенною опредѣленностью Шиллеромъ въ его знаменитомъ разсужденіи объ эстетическомъ воспитаніи человѣка. Шиллеръ занимался рѣшеніемъ этого вопроса въ эпоху французской революціи, когда животрепещущія событія устремляли мысль не къ философской, а къ политической свободѣ. Но по глубокому убѣжденію Шиллера, для того, чтобы достигнуть свободы политической, необходимо открыть ей вѣрный путь, образовать живую силу общества — человѣка. При созданьи разумнаго обще-

ственнаго устройства, свободная воля человѣка должна подчиниться закону и вмѣстѣ съ тѣмъ не потерять своей свободы, а для этого необходимо согласить влеченіе, склонность съ требованіями долга. Такое соглашеніе и должно быть цѣлію эстетическаго воспитанія. Искусство, какъ и наука, не подлежитъ произволу. Художникъ есть сынъ вѣка, но горе ему, если онъ захочетъ быть его любимцемъ. Наслажденье художественнымъ произведеніемъ освобождаетъ духъ человѣка отъ всѣхъ оковъ, открывая его для благороднѣйшихъ впечатлѣній. Матерія, содержаніе можетъ потерять свое значеніе, а художественная форма не подлежитъ прихотямъ судьбы и людей. Римляне раболѣпно склоняли колѣна передъ цезарями, а созданія искусства—статуи стояли такъ же гордо и прямо. Человѣчество потеряло свое достоинство, искусство спасло и сохранило его, и т. д.

Взгляды, высказанные Шиллеромъ въ разсужденіи объ эстетическомъ воспитаніи, встрѣтили всеобщее сочувствіе. Ихъ признали вполнѣ вѣрными, глубокими и разумными такіе строгіе и геніальные судьи, какъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, Кантъ и самъ Гете, осуждавшій Шиллера за его прежнія эстетическія сочиненія, въ которыхъ видѣлъ черезчуръ много идеализма. Идеи истинно великихъ мыслителей обладаютъ необыкновенною живучестью; время видоизмѣняетъ ихъ, придаетъ имъ новыя черты, но суть продуманнаго геніальнымъ умомъ остается надолго неизмѣнною.

Въ самый блестящій періодъ литературной дѣятельности Тургенева, въ научныхъ изслѣдованіяхъ первостепенныхъ ученыхъ Европы слѣдующимъ образомъ разсматривался вопросъ о художественномъ творчествѣ. Свобода признавалась необходимымъ условіемъ для художника и въ выборѣ предметовъ и въ ихъ изображеніи. Писатель-художникъ не долженъ быть связанъ ни предвзятою мыслію, ни направленіемъ кружка или партіи. Свѣтъ поэзіи, какъ и свѣтъ солнца, долженъ свѣтить и на праведныхъ и на неправедныхъ. Истинный художникъ, если даже онъ и принадлежитъ къ какой-либо партіи, не дойдетъ до фана-

тической нетерпимости, и отнесется участливо хотя къ нѣкоторымъ чертамъ и событіямъ въ жизни людей враждебной ему партіи, какъ напримѣръ, къ постигающимъ ихъ бѣдствіямъ и страданіямъ. При всемъ сочувствіи къ добру и къ нравственному достоинству человѣка, писатель имѣетъ полное право изображать и темныя стороны жизни; но рисуя картину зла, онъ указываетъ тѣ тонкія, невидимыя нити, которыя связываютъ человѣка, даже и въ его паденіи, съ его утраченнымъ образомъ — съ добрыми и свѣтлыми началами человѣческой природы. Тотъ, кто отвергаетъ художественное произведеніе потому только, что оно противорѣчитъ взглядамъ его партіи, тотъ обнаруживаетъ не только свое невѣжество въ эстетическомъ отношеніи, но и свою умственную ограниченность (als mensch bornirt ist), и т. д.

Главная задача художника состоитъ, по мнѣнію Тургенева, въ *правдивомъ* изображеніи жизни: «всякій писатель, *нелишенный таланта*, старается прежде всего вѣрно и живо воспроизводить впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ собственной и чужой жизни; *коли онъ правдивъ, значитъ онъ правъ*». Художественная правдивость составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ произведеній Тургенева: ею восхищаются друзья нашего писателя; ея не отрицаютъ и его недруги. Въ ней же, въ этой правдивости, заключается источникъ и величайшихъ радостей и самыхъ горькихъ разочарованій, испытанныхъ Тургеневымъ на литературномъ поприщѣ.

Запрещая нѣкоторыя мѣста въ Запискахъ охотника, цензура руководствовалась тѣмъ соображеніемъ, что они «могутъ имѣть вредное вліяніе на бо́льшую часть нашихъ помѣщиковъ, которые, къ сожалѣнію, *походятъ во всемъ*» на помѣщика, изображеннаго Тургеневымъ (Мардарія Аполлоныча Стегунова). Лица, обвинявшія Тургенева въ нападкахъ на молодое поколѣніе, соглашаются однако же, что краски для изображенія такъ называемыхъ нигилистовъ онъ бралъ изъ дѣйствительной жизни.

Наибольшую долю радостей принесъ Тургеневу романъ его: «Дворянское гнѣздо» — одно изъ превосходнѣйшихъ произведе-

ній нашей беллетристики вообще. Замѣчательная способность художника переноситься въ созданный имъ міръ и вполнѣ овладѣвать и содержаніемъ и формою произведенія — обнаруживается здѣсь во всемъ своемъ блескѣ. Прямо изъ жизни взяты дѣйствующія лица романа; жизнію же созданы и ихъ взаимныя отношенія и самая судьба ихъ, разсказанная авторомъ съ искренностью лѣтописца, съ правдивостью мыслящаго наблюдателя и съ такимъ теплымъ, человѣческимъ участіемъ, которое производитъ на душу читателя неотразимое и возвышающее ее впечатлѣніе. Въ свѣтломъ, привлекательномъ образѣ «Лизы» является, какъ живая, та великая нравственная сила, которою стоитъ міръ и поддерживается вѣра въ человѣка, и которая, обнаруживаясь на дѣлѣ — принесеніемъ личныхъ интересовъ въ жертву требованіямъ долга и совѣсти, заставляетъ самыхъ закоренѣлыхъ скептиковъ сказать: «не умеръ Богъ въ душѣ людей»....

Поразительная противоположность между «Лизою» и «Варварою Павловною» показываетъ, какое значеніе придавалъ Тургеневъ, въ создаваемыхъ имъ типахъ, нравственному достоинству человѣка. Нравственное начало служитъ основою любви, въ какомъ бы смыслѣ ни понималось это слово — въ тѣсномъ ли (любовь мужчины къ женщинѣ) или въ самомъ широкомъ (любовь къ истинѣ, къ родинѣ, къ человѣчеству). Любовь, изображаемая Тургеневымъ такими тонкими и художественными чертами, не имѣетъ ничего общаго съ тѣми эротическими сюжетами, которые, по выраженію Шиллера, дѣйствуютъ на неразвитаго читателя, какъ опьяняющій напитокъ. Въ любви, какъ понималъ ее Тургеневъ, стремленье къ личному счастью облагораживается и возвышается живымъ, искреннимъ сочувствіемъ къ несчастію другихъ. На Тургенева, какъ на ученика Пушкина, падали иногда укоры въ восторженномъ поклоненіи небесной красотѣ «любящей и ласково поющей» музы, напѣвамъ которой совѣтовали предпочитать внушенія другой, неласковой и нелюбимой музы —

Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для борьбы, страданья и трудовъ...

Но эти музы враждебны только повидимому, т. е. если смотрѣть на нихъ съ предвзятою мыслью; въ поэзіи же они примиряются, и примиряющимъ началомъ служитъ любовь. Позволяю себѣ привести два изображенія примиряющаго дѣйствія любви, принадлежащія писателямъ, которые считаются обыкновенно представителями двухъ противоположныхъ направленій.

Въ больницу привели съ прошибенной въ кровь головой

Стараго вора: въ острогѣ его
Буйный товарищъ изранилъ.
Онъ не хотѣлъ исполнять ничего,
Только грозилъ и буянилъ.
Наша сидѣлка къ нему подошла,
Вздрогнула вдругъ — и ни слова...
Въ странномъ молчаньи минута прошла:
Смотрятъ одинъ на другаго...
Кончилось тѣмъ, что угрюмый злодѣй,
Пьяный, обрызганный кровью,
Вдругъ зарыдалъ передъ первой своей,
Давно-погибшей любовью.
Смолоду знали другъ друга они...
Круто старикъ измѣнился:
Началъ молиться и ночи и дни,
Передъ врачами смирился...
Не было средства однако помочь ..
Все, что́ имѣла, она продала —
Съ честью его схоронила...

Въ одной изъ повѣстей Тургенева такимъ образомъ описывается впечатлѣніе, произведенное на человѣка, тогда еще молодаго, смертію женщины, прелестной и очаровательной, бывшей его первою любовью: «Я не остался глухъ на печальный го-

лосъ, долетѣвшій до меня изъ-за могилы. Помнится, нѣсколько дней спустя послѣ того дня, когда я узналъ о смерти Зинаиды, я самъ, по собственному неотразимому влеченію, присутствовалъ при смерти одной бѣдной старушки. Покрытая лохмотьями, на жесткихъ доскахъ, съ мѣшкомъ подъ головою, она трудно и тяжело кончалась. Вся жизнь ея прошла въ горькой борьбѣ съ ежедневной нуждою; не видала она радости, не вкушала отъ меду счастія... И помню я, что тутъ, у одра этой бѣдной старушки, мнѣ стало страшно за Зинаиду, и захотѣлось мнѣ помолиться за нее, за отца, — и за себя».

Горе и несчастія, постигающія человѣка, всегда находили сочувствіе у Тургенева, какъ писателя-художника. Самое страшное горе, самое жестокое несчастіе обрушилось на Базаровыхъ, отца и мать: они потеряли единственнаго сына. Все, что осталось у нихъ на землѣ — могила сына: «Приблизятся къ оградѣ, припадутъ, и станутъ на колѣна, и долго и горько плачутъ, и долго и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ. Помѣняются короткимъ словомъ, пыль смахнутъ съ камня, да вѣтку елки поправятъ, и снова молятся, и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына... Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы безплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нѣтъ! Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ могилѣ, цвѣты, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на насъ своими невинными глазами: не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ намъ они, о томъ великомъ спокойствіи «равнодушной» природы; они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной».

Подобно своему великому учителю — Пушкину, сказавшему: «нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви», Тургеневъ находилъ, что гдѣ «мало любви», тамъ «мало истины», и что «порицать имѣетъ право только тотъ, кто любитъ» и т. п.

Въ произведеніяхъ Тургенева слышится присутствіе того

начала, которое ведетъ къ уразумѣнію истины: негодованіе его не переходитъ въ ожесточенную ненависть и злобу; въ порицаніяхъ его проглядываютъ искры любви.

Въ отношеніи же къ самому Тургеневу, при оцѣнкѣ его литературной дѣятельности, сочувствіе и осужденіе высказывались, большею частію, независимо одно отъ другаго. Изъ многочисленныхъ читателей и судей Тургенева одни искренно его любили, другіе, составлявшіе впрочемъ меньшинство, сильно и очень сильно его порицали. И хвалы и порицанія, и любовь и ненависть объясняются отчасти особенностями таланта Тургенева, отчасти содержаніемъ его произведеній. По своему взгляду на призваніе художника, по своей чуткости и отзывчивости, Тургеневъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что̀ происходило въ средѣ самой близкой его сердцу — что̀ совершалось въ русской жизни. Изображая яркими чертами животрепещущія событія и свободно анализируя ихъ, художникъ дотрогивался до самыхъ чувствительныхъ нервовъ общественнаго организма. Знаменитыя «Записки охотника» послужили уже поводомъ къ недоразумѣніямъ, не особенно впрочемъ серьезнымъ; но страшная буря разразилась надъ Тургеневымъ, какъ надъ авторомъ романа: «Отцы и дѣти».

Что касается «Записокъ охотника», то на нихъ смотрѣли преимущественно съ двухъ точекъ зрѣнія. Одни признавали ихъ прекраснымъ художественнымъ произведеніемъ; другіе видѣли въ нихъ протестъ противъ крѣпостнаго права.

По поводу новаго изданія «Записокъ охотника» высказаны были, въ 1852 году, однимъ изъ цензоровъ слѣдующія соображенія: «Вникнувъ внимательно въ содержаніе этихъ записокъ, и обсудивъ ихъ со всѣхъ сторонъ, невольно прійдешь къ заключенію, что при изданіи оныхъ г. Тургеневъ, человѣкъ, какъ извѣстно богатый, конечно не имѣлъ въ виду прибыли отъ продажи своего сочиненія, но вѣроятно имѣлъ совершенно другую цѣль, для достиженія которой и напечаталъ помянутую книгу . . . Мнѣ кажется, что книга Тургенева сдѣлаетъ болѣе зла, чѣмъ

добра... Полезно-ли, напримѣръ, доказывать нашему грамотному народу, что крестьяне наши, которыхъ авторъ до того опоэтизировалъ, что видитъ въ нихъ администраторовъ, раціоналистовъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ (Богъ знаетъ, гдѣ онъ нашелъ такихъ!), — что крестьяне эти находятся въ угнетеніи; что помѣщики ведутъ себя неприлично и противузаконно; что исправники и другія власти берутъ взятки, или, наконецъ, что крестьянину жить на свободѣ привольнѣе, лучше» и т. д.

Самъ авторъ упорно отрицалъ, что перомъ его руководило предвзятое намѣреніе послужить дѣлу, хотя и прекрасному — освобожденію крестьянъ. Онъ смотрѣлъ на свое произведеніе, какъ на попытку сближенія нашей литературы съ народною жизнію, какъ на одну изъ первыхъ нашихъ «деревенскихъ исторій» — dorfgeschichten. Существенная заслуга Тургенева заключается именно въ томъ, что онъ изображалъ крестьянскую жизнь въ ея настоящемъ видѣ, и своимъ правдивымъ изображеніемъ возбуждалъ сочувствіе къ судьбѣ крестьянина у всѣхъ непредубѣжденныхъ читателей. Весьма замѣчателенъ въ этомъ отношеніи отзывъ И. А. Гончарова, разсматривавшаго, по званію цензора, «Записки охотника» въ 1858 году, когда снова возникло дѣло объ ихъ изданіи. «Эта книга — говоритъ И. А. Гончаровъ — обратила на себя вниманіе тѣмъ, что въ ней мѣстами какъ-бы выражалось желаніе улучшенія быта крестьянъ, и второе изданіе ея до времени было пріостановлено. Такъ-какъ великое дѣло улучшенія крестьянъ, по высочайшей волѣ, приводится нынѣ въ исполненіе, то книга Тургенева не только потеряла всякое сомнительное значеніе, но она скорѣе можетъ подтвердить необходимость принимаемыхъ правительствомъ мѣръ. «Записки охотника» вовсе не имѣютъ жесткости въ изображеніяхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами: въ этомъ отношеніи книга эта далеко уступаетъ всему, что̀ появлялось въ одно съ нею время и позже ея. Авторъ не возбуждаетъ ни малѣйшаго озлобленія и раздраженія двухъ классовъ между собою; напротивъ,

мягкостью и художественностью изображеній придаетъ имъ характеръ комизма и тонкой, едва уловимой ироніи. Притомъ въ «Запискахъ ѳохотника» нѣтъ преднамѣренныхъ желчныхъ описаній отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ: авторъ говоритъ о нихъ мимоходомъ, когда они попадаютъ случайно подъ руку. Вообще же и болѣе всего онъ рисуетъ типическія лица изъ разныхъ классовъ народонаселенія, и имѣетъ въ виду только поэтически-вѣрное воспроизведеніе характеровъ, мѣстностей, пейзажей, безъ всякихъ натянутыхъ стремленій выставить одни въ дурномъ, другіе въ выгодномъ свѣтѣ. Книга его прочтена всѣми, и на всѣхъ производитъ благородное, художественное впечатлѣніе. Поэтому второе изданіе ея было бы справедливымъ возвращеніемъ ей права вновь появиться въ кругу изящной отечественной литературы и стать на ряду съ лучшими ея произведеніями».

Роковымъ событіемъ въ литературной жизни Тургенева было появленіе въ печати романа его: «Отцы и дѣти»; роковымъ словомъ въ этой книгѣ было названіе: *нигилистъ*. Слово *нигилистъ* зашло къ намъ изъ Германіи, гдѣ оно издавна и изрѣдка употреблялось, но не въ одномъ и томъ же значеніи. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ писателей, конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго вѣка, выражали сожалѣніе, что литература, отвергая выработанныя жизнію идеи религіи и отечества, устремляется въ какую-то фантастическую высь, и теряя почву подъ ногами, витаетъ въ пустомъ пространствѣ и обращается въ ничто (nihil). Защитниковъ такого произвола фантазіи, вполнѣ отрѣшенной отъ дѣйствительности и желающей все создавать изъ *ничего*, Жанъ-Поль Рихтеръ, называетъ *нигилистами* (poetische nihilisten). Это названіе появилось у насъ впервые во время литературныхъ споровъ между такъ-называемыми классиками и романтиками: поборники классицизма обзывали *нигилистами* послѣдователей романтической школы. Надеждинъ въ статьѣ своей подъ заглавіемъ: *Сонмище нигилистовъ*, писанной болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, говоритъ: «Неужели для бѣдной нашей литературы

никогда не будетъ возврата съ зимы на лѣто? Неужели ей вѣчно мыкаться въ мрачной преисподней губительнаго *нигилизма*. Будетъ время, когда животворный свѣтъ мудрости озаритъ мрачный хаосъ буйнаго и всепрезирающаго невѣжества» и т. д.

Гораздо позднѣе, въ тѣ времена, когда Тургеневъ писалъ свои романы, слово *нигилизмъ* (nihilismus) употреблялось въ нѣмецкой литературѣ для обозначенія самаго крайнаго, самаго безпощаднаго отрицанія, доведеннаго до послѣднихъ предѣловъ, отрицающаго всѣхъ и все. Такое настроеніе объясняется горькимъ разочарованіемъ всѣхъ тѣхъ, которые вѣрили въ революцію 1848 года, ожидая отъ нея видимыхъ и невидимыхъ благъ — полнаго торжества идеи свободы, равенства, братства и т. п. Несмотря на свою политическую подкладку, нѣмецкій нигилизмъ новѣйшей формаціи находится въ непосредственной связи съ тѣмъ движеніемъ философской мысли, представителями котораго являются гегелисты, т. е. новая или «лѣвая» школа Гегеля. Самымъ блестящимъ успѣхомъ пользовались въ свое время сочиненія Фейербаха, бывшаго ученика Гегеля, но круто своротившаго съ проторенной, идеалистической, дороги своего учителя и думавшаго пересоздать нѣмецкую науку внесеніемъ въ нее «здоровыхъ началъ реализма». Рѣзко порицаетъ Фейербахъ современную ему нѣмецкую науку, считая вопіющимъ ея недостаткомъ полнѣйшее отчужденіе ея отъ жизни, а слѣдовательно и отъ истины. Наука наша — говоритъ Фейербахъ — занимается и считаетъ себя въ правѣ заниматься только такими предметами, которые совершенно безразличны и для жизни и для человѣка. Какъ свобода нѣмецкаго плаванія простирается jusqu'à la mer, такъ и свобода нѣмецкой науки простирается jusqu'à la vérité... Корень всѣхъ человѣческихъ бѣдствій не въ умѣ и не въ сердцѣ, а въ желудкѣ. Къ несчастію, общество устроено такъ, что одни имѣютъ все для удовлетворенія самыхъ утонченныхъ требованій своего прихотливаго вкуса, другіе, напротивъ того, не имѣютъ ровно ничего, даже самаго необходимаго для ихъ тощаго желудка. Отсюда всѣ бѣдствія и страданія, всѣ умственныя и нравствен-

ныя болѣзни человѣчества. Все, что не относится непосредственно къ распознаванію и уничтоженію этого зла, есть безполезный хламъ, и т. д.

Такимъ безполезнымъ хламомъ считали отрицатели и многое изъ того, передъ чѣмъ благоговѣли величайшіе умы всѣхъ вѣковъ и народовъ. Идеи долга, права, свободы, закона, человѣчества, и т. п. отвергались какъ лишнее бремя, какъ устарѣлые предразсудки. Однимъ изъ самыхъ крайнихъ отрицателей былъ Max Stirner, авторъ книги: Der Einzige und sein Eigenthum. Суть этой книги, когда-то надѣлавшей шума, заключается въ слѣдующемъ. Для человѣка нѣтъ и не можетъ быть никакихъ нравственныхъ правъ и никакихъ нравственныхъ обязанностей. Толковать о призваніи человѣка, о нравственномъ долгѣ и о тому подобныхъ вещахъ — просто глупо. Всякій человѣкъ въ такой же степени человѣкъ, какъ земля — планета, и требовать отъ человѣка, чтобы онъ былъ человѣкомъ въ настоящемъ смыслѣ слова, такъ же смѣшно, какъ говорить землѣ: будь настоящею планетою. Повиноваться кому и чему бы то ни было — произволу деспота или закону — одинаково нелѣпо. На всѣ толки о правѣ можно отвѣчать словами Шиллера: цѣлый вѣкъ свой я нюхаю носомъ, кто же однако далъ мнѣ право на это? —

Jahre lang schon bedien' ich mich meiner nase zum riechen;
Hab' ich denn wirklich an sie auch erweisliches recht?

Вмѣсто идеи долга, справедливости, общаго блага, и т. п., единственнымъ руководителемъ человѣческихъ дѣйствій долженъ быть *эгоизмъ*. Все что не *мое* или безразлично для меня или мнѣ враждебно. Народная свобода — не *моя* свобода: чѣмъ свободнѣе *народъ*, тѣмъ связаннѣе *я*, отдѣльное лицо: аѳинскій народъ, во времена самаго полнаго развитія своей свободы, создалъ остракизмъ и изгонялъ безбожниковъ. Единственное право есть то, которое пріобрѣтается силою, насиліемъ — nur deine gewalt, deine macht giebt dir das recht. Нормальный человѣкъ долженъ быть *эгоистомъ*, и всѣ отношенія между людьми должны опредѣляться степенью взаимной пригодности, той пользы и выгоды,

которую можетъ получить одинъ отъ другаго. Люди служатъ другъ другу пищею, и сильный пожираетъ слабаго для удовлетворенія своего эгоистическаго аппетита. Бери все съ бою; истребляй все, что лежитъ поперекъ дороги, и ожидай нападеній со стороны другихъ; кто побѣдитъ, тотъ и правъ. Словомъ, развертывается картина, изображенная поэтомъ:

Въ природѣ, въ этой общей чашѣ,
Нѣтъ ярлыковъ — мое и ваше!
Бери, что̀ хочешь. Все твое,
На что̀ глаза лишь разбѣжались!
А чтобы люди не кусались,
Кусайся самъ! Вотъ вамъ и все!
А то, глядишь, нагромоздили
Понятій, тонкостей, интригъ,
Да и не въ мочь пришлось! Уныли
И ходятъ, высунувъ языкъ....»

Призывая къ новой жизни давно-забытое у насъ слово *нигилистъ*, Тургеневъ обозначалъ имъ понятіе весьма сложное, для опредѣленія котораго требовалось много наблюдательности и зоркости. Это необходимо имѣть въ виду для вѣрной оцѣнки писателя-художника, воплотившаго въ живомъ образѣ такія черты, которыя въ дѣйствительности еще не были слиты въ одно нераздѣльное цѣлое. Тогда еще спорными и загадочными вопросами были и самое существо нигилизма, и его происхожденіе, и судьба, ожидающая его въ русскомъ обществѣ, и т. п. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ Тургеневъ содѣйствовалъ рѣшенію этой мудреной задачи.

Черты, разсѣянныя въ романѣ «Отцы и дѣти» и встрѣчающіяся отчасти и въ другихъ произведеніяхъ Тургенева, относятся очевидно къ различнымъ сторонамъ и видоизмѣненіямъ нигилизма, о которомъ ходили тогда еще самые смутные слухи. Для характеристики нашего писателя важно то̀, какія черты

бралъ онъ изъ дѣйствительности, и чѣмъ руководствовался онъ при своемъ выборѣ. Если взглянуть съ этой точки зрѣнія, то найдется немало данныхъ, показывающихъ: вопервыхъ, что онъ отмѣчалъ такія черты, которыя наиболѣе выдавались въ то время или по своей яркости или по внутреннему смыслу; вовторыхъ, — что авторъ искренно не желалъ отступить отъ истины, покривить душой и написать панегирикъ или пасквиль. Самъ Тургеневъ говоритъ: «Не въ видѣ укоризны, не съ цѣлію оскорбленія было употреблено мною слово: *нигилистъ*, но какъ точное и умѣстное выраженіе проявившагося *историческаго факта*».

Въ число признаковъ того понятія, которое называется у Тургенева *нигилизмомъ*, входитъ и умственная пытливость, стремленіе къ изслѣдованію и работа мысли. «Нигилистъ — это человѣкъ, который ко всему относится съ критической точки зрѣнія; который не склоняется ни передъ какими авторитетами; который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ». Слова эти напоминаютъ отчасти тотъ взглядъ на одно изъ свойствъ нигилизма, который высказанъ знаменитымъ ученымъ нашимъ Н. И. Пироговымъ. «Нигилизмъ — говоритъ онъ — есть не что другое, какъ выродившійся скепсисъ науки. Онъ, подъ какимъ бы видомъ ни проявлялся — научнымъ или противонаучнымъ — есть все тотъ же самый червь сомнѣнія, искони скрытый въ запрещенномъ плоду райскаго дерева. Искать различія въ сущности научнаго скепсиса и современнаго нигилизма было бы тоже, что искать различія въ сущности льда отъ воды, воды отъ паровъ, здоровья отъ болѣзни. Если же эта болѣзнь науки показалась у насъ слишкомъ рано, то это значитъ, что условія, скрытыя въ самой почвѣ, въ строѣ общества, во всемъ окружающемъ, способствовали ея развитію» и т. д.

Одна изъ причинъ быстраго перехода отъ сомнѣнія, скептицизма, къ отрицанію объясняется, по Тургеневу, тогдашнимъ состояніемъ нашей общественной жизни. Я тогда положу оружіе, — говоритъ Базаровъ своему противнику — «когда вы

представите мнѣ хоть одно постановленіе въ современномъ нашемъ быту, въ семейномъ или общественномъ, которое бы не вызвало полнаго и безпощаднаго отрицанія». Подобное же, смягчающее обстоятельство указывали тогда и самые ревностные противники нигилизма въ нашей литературѣ. Одинъ изъ выдающихся ея представителей, въ статьѣ своей, направленной противъ нигилизма, какъ противъ вопіющаго зла, влагаетъ въ уста нигилиста такія рѣчи: «Если я назову бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ, и это не помѣшаетъ никому получить слѣдующій чинъ, то скажите, положивъ руку на сердце, кто серьезно осердится на меня? Я вывожу силы разума изъ причинъ самыхъ обыкновенныхъ; я *пишу* о человѣкѣ,—отъ этого еще бѣда невелика; а какъ другіе *поступаютъ* съ нимъ? Укажите мнѣ идеалистовъ, которые въ первомъ нужномъ случаѣ не забываютъ, что человѣкъ не обезьяна, не лошадь, не оселъ?» и т. д.

Внутренняя несостоятельность нигилизма заключается, по мнѣнію Тургенева, въ безусловномъ, безцѣльномъ и огульномъ отрицаніи, не пощадившимъ ни науки, ни искусства, ни просвѣщенія. Лучшій изъ нигилистовъ говоритъ: «Я ни во что̀ ни вѣрю, и что̀ такое наука — наука вообще? Есть науки, какъ есть ремесла, знанія, а наука вообще не существуетъ вовсе». Подобное отрицаніе науки находится въ несомнѣнной связи со взглядами Фейербаха, отголоски которыхъ, при сужденіи о научныхъ вопросахъ, такъ ясно слышались и въ статьяхъ, принадлежащихъ нѣкоторымъ изъ «умѣренныхъ нигилистовъ», какъ называла ихъ тогдашняя критика. Не случайно упоминаетъ Тургеневъ о томъ, что русскіе молодые люди толкуютъ о Фейербахѣ, и одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ между ними «старался дать самому себѣ отчетъ, нужно ли ему заняться Фейербахомъ или же можно обойтись безъ него».

Еще рѣзче, нежели науку, отрицали искусство съ его идеальными стремленіями. «Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ» — говоритъ Базаровъ. Онъ же «выдумываетъ» о Пушкинѣ разныя «небылицы», искажаетъ его мысли и явно «клевещетъ» на

него. Это—также своего рода историческая черта, указывающая на то глумленіе надъ Пушкинымъ, которое такъ возмущало Тургенева въ статьяхъ такъ - называемыхъ «крайнихъ нигилистовъ». Вмѣстѣ съ искусствомъ отрицалось въ этихъ статьяхъ и все искусственное, и въ замѣну разрушаемыхъ кумировъ выдвигался *эгоизмъ*, о которомъ говорили съ умиленіемъ: какъ счастливы были бы люди, если бы, откинувши *искусственныя* понятія *идеала* и *долга*, сдѣлались бы *эгоистами* въ полномъ смыслѣ слова, и т. п.

Отрицаніе, возведенное въ систему, не можетъ имѣть просвѣтительнаго вліянія на умы. «Людямъ грѣшно бояться мысли, и отрицать знаніе, науку и вѣру въ нее» — говоритъ Тургеневъ: «Отрицайте все, и вы легко можете прослыть за умницу: это уловка извѣстная. Добродушные люди сейчасъ готовы заключить, что вы стоите выше того, что̀ отрицаете; а это часто неправда». Постоянное, всеобщее отрицаніе ведетъ къ умственной апатіи, къ лѣни, и обращаетъ человѣка, который могъ бы что̀нибудь дѣлать, въ «злостнаго байбака», который «ничего не дѣлаетъ: лежитъ сытымъ брюхомъ кверху и говоритъ: такъ оно и слѣдуетъ лежать-то, потому что все, что люди не дѣлаютъ, все вздоръ и ни къ чему неведущая чепуха». Отрицаніе и разрушеніе авторитетовъ весьма часто не достигаетъ своей цѣли, и вмѣсто ожидаемой свободы приноситъ еще горшее рабство: «Умъ, направленный на одно отрицаніе, бѣднѣетъ, сохнетъ... Мы толкуемъ объ отрицаніи, какъ объ отличительномъ нашемъ свойствѣ; но и отрицаемъ-то мы не такъ, какъ свободный человѣкъ. Новый баринъ народился, стараго долой. То былъ Яковъ, а теперь Сидоръ: въ ухо Якова, въ ноги Сидору... Съ двумятремя химиками, неимѣющими отличить кислорода отъ азота, но исполненными отрицанія и самоуваженія, да съ *великимъ* Елисѣвичемъ, Ситниковъ, тоже готовящійся быть *великимъ*, толчется въ Петербургѣ и, по его увѣреніямъ, продолжаетъ дѣло Базарова» и т. д.

Таковы темныя стороны нигилизма, подмѣченныя Тургене-

вымъ. Чтобы судить о нихъ безпристрастно съ исторической точки зрѣнія необходимо обратиться къ такимъ источникамъ, правдивость которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія отзывъ Н. И. Пирогова, имѣвшаго возможность наблюдать нигилизмъ у самой, такъ сказать, его колыбели. «Сравните — говоритъ Пироговъ — новое германское поколѣніе съ нашимъ. Наше, можетъ быть, отъ природы смышленѣе и бойче; оно скорѣе живетъ. Да Богъ съ ней, съ этою смышленостью, если она заставляетъ насъ скорѣе сомнѣваться и блуждать безъ убѣжденій и безъ цѣли. Что пользы намъ отъ нашей младенческой сухотки? А иногда я думаю, ужъ не афектація ли это? Не прикрывается ли нашимъ скороспѣлымъ скептицизмомъ что̀-то другое? Не переодѣтая ли это въ нѣмецкое платье наша родная непослѣдовательность, та же самая, съ которою мужикъ такъ наивно говоритъ: «а Богъ его знаетъ» о томъ, что онъ могъ бы очень хорошо знать, и между тѣмъ слѣпо вѣритъ тому, чего вовсе не знаетъ или что̀ знаетъ только по слухамъ? Можетъ-быть, нашъ модный нигилизмъ и есть что̀-то въ родѣ этого. Вѣдь онъ отвергаетъ и не хочетъ уже болѣе знать, Богъ вѣсть почему, ни Канта, ни Гегеля, а между тѣмъ очень наивно вѣритъ въ авторитеты Бюхнера, Молешота и Фохта. Вѣдь это собственно не отверженіе, а просто мѣна кукушки на ястреба» и т. д.

Романъ Тургенева «Отцы и дѣти» касается такихъ животрепещущихъ явленій, затрогиваетъ такіе жгучіе вопросы, что появленіе его вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, чрезвычайно много недоразумѣній. По собственному свидѣтельству Тургенева, только два человѣка: Ѳ. М. Достоевскій и В. П. Боткинъ совершенно поняли Базарова, т. е. намѣренія автора при созданіи этого типа. А до какой степени трудно было сохранить полное безпристрастіе, всего лучше доказываютъ попытки самого Тургенева истолковать ту или другую черту своего произведенія, которое уже сдѣлалось предметомъ горячихъ споровъ и рѣзкихъ порицаній. Приведемъ наглядный примѣръ. Въ романѣ

Базаровъ совѣтуетъ бросить Пушкина и читать вмѣсто него Бюхнера: *Stoff und Kraft*. И отцы и дѣти поняли это мѣсто въ одинаковомъ смыслѣ; нѣкоторымъ изъ дѣтей оно показалось оскорбительнымъ. Желая смягчить впечатлѣніе, произведенное на дѣтей, Тургеневъ разъясняетъ имъ, что «*Stoff und Kraft* Базаровъ рекомендуетъ именно какъ популярную, т. е. *пустую* книгу». Но вотъ подлинныя слова Базарова Аркадію: «Твой отецъ Пушкина читаетъ. Растолкуй ему, что это никуда негодится. Вѣдь онъ не мальчикъ: пора бросить эту ерунду. Дай ему что̀ нибудь *дѣльное* почитать. — Что̀ бы ему дать? спросилъ Аркадій. — Да я думаю Бюхнерово *Stoff und Kraft* на первый случай. — Я самъ такъ думаю, замѣтилъ одобрительно Аркадій; *Stoff und Kraft* написано популярнымъ языкомъ». Очевидно, популярность изложенія указывается здѣсь не какъ недостатокъ, а какъ одно изъ достоинствъ книги, удачно выбранной Базаровымъ. *Популярность языка* не противорѣчитъ *дѣльности* содержанія. Да и какой бы смыслъ былъ въ совѣтѣ Базарова—бросить *ерунду* и читать *пустошь*...

Объясненія, предложенныя авторомъ по поводу «Отцовъ и Дѣтей», хотя и заключаютъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей, недостигли главной своей цѣли. Тургеневъ-коментаторъ не въ силахъ былъ поколебать и измѣнить впечатлѣніе, производимое образами, созданными Тургеневымъ-художникомъ.

Истиннаго Тургенева надо искать въ его художественныхъ произведеніяхъ, т. е. тамъ, гдѣ онъ — говоря его собственными словами — «творилъ свободно, мыслилъ о̀бразами». Давая себѣ отчетъ въ томъ или другомъ типѣ, необходимо принять въ соображеніе преобладающія свойства таланта писателя, его искренность какъ художника и его основныя воззрѣнія на свободу творчества.

Одна изъ самыхъ существенныхъ особенностей Тургенева, какъ писателя художника, заключается въ его наблюдательности. Она устремлена была къ тому, что происходило въ дѣйствитель-

ной жизни, и передъ проницательнымъ взоромъ художника являлись живыя лица, съ ихъ затаенными помыслами, съ ихъ свѣтлыми и темными сторонами. Ясное, не отуманенное никакимъ пристрастіемъ, наблюденіе надъ живою жизнью отражается и въ самомъ тонѣ разсказа, спокойномъ, ровномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутымъ ироніею — неизбѣжною спутницею правдиваго изображенія дѣйствительности. Иронія — тонкая, изящная и въ тоже время чрезвычайно мѣткая иронія — составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ художественныхъ произведеній Тургенева. Нѣкоторыя изъ его ироническихъ замѣчаній, по своей мѣткости, такъ и просятся пословицы. Иронія его большею частью падаетъ на какое-либо явленіе изъ современной дѣйствительности, и бросаетъ на него яркій и вѣрный свѣтъ, при помощи котораго можно разглядѣть самую суть предмета.

Не имѣя возможности входить въ сколько-нибудь подробныя разъясненія, мы должны ограничиться указаніемъ хоть нѣсколькихъ данныхъ, которыя говорятъ сами за себя, представляя живое доказательство вѣрности и мѣткости наблюденій нашего писателя.

По замѣчанію Тургенева, — «обо всемъ на свѣтѣ можно говорить съ жаромъ, съ восторгомъ, съ увлеченіемъ, но *съ апетитомъ* говоришь только о самомъ себѣ».

— Упорный «мужчина можетъ сказать, что дважды-два не четыре, а пять», упорная «женщина скажетъ, что дважды-два — стеариновая свѣчка».

— Предсѣдатель казенной палаты особенно любилъ весну потому, что въ это время года «каждая пчелочка съ каждаго цвѣточка беретъ взяточку».

— Жидъ, котораго подозрѣваютъ въ обманѣ, говоритъ: «Какъ можно! Да вы прикажите тогда мнѣ дать пятьсотъ.... четыреста пятьдесятъ палокъ, прибавляетъ онъ поспѣшно».

Когда въ Петербургѣ только что получено было извѣстіе о смерти Гоголя, одинъ изъ литераторовъ, «внутренно скорбѣвшій о подобной утратѣ», не могъ побороть въ себѣ «удовольствія

быть первымъ человѣкомъ, сообщающимъ огорашивающую новость, и съ судорожною поспѣшностью перебѣгалъ отъ одного лица къ другому, сообщая каждому неожиданное извѣстіе».

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Тургеневъ говоритъ по поводу смерти Гоголя: «Воображаю себѣ, сколько дрянныхъ самолюбій станутъ взбираться на его могилу, и примутся кричать пѣтухами и вытягивать свои головки: — посмотрите, дескать, на насъ, люди честные, какъ мы отлично горюемъ, и какъ мы умны и чувствительны. Богъ съ ними!... Когда молнія разбиваетъ дубъ, кто думаетъ о томъ, что на его пнѣ выростутъ грибы: — намъ жаль его силы, его тѣни».

Желаніе *казаться, а не быть*, въ чемъ бы оно ни проявлялось, невыносимо и для нравственнаго и для художественнаго чувства. На какой бы пьедесталъ ни взбирались кажущіеся великаны — считаютъ ли они себя великими государственными людьми единственно потому только, что составили блестящую служебную карьеру; признаютъ ли себя великими мыслителями, хотя весь умъ ихъ заключается собственно въ «вызывающей, крикливой бойкости» — въ ихъ самодовольномъ поклоненіи своей собственной особѣ—проглядываетъ та же самая «спесь», олицетворенная поэтомъ, въ талантѣ котораго много родственныхъ чертъ съ талантомъ Тургенева:

Ходитъ Спесь, надуваючись,
Съ боку на бокъ переваливаясь,
Ростомъ-то Спесь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень....
Идетъ Спесь, видитъ: на небѣ радуга,
Повернулъ Спесь во другу сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибатися!

Изображаемый Тургеневымъ «свѣтскій левъ, надутый и важный, держался величественно, точно онъ былъ не живой человѣкъ, а собственная своя статуя, воздвигнутая по общественной подпискѣ».

Умъ — великое благо и великая сила; но нѣтъ несноснѣе «кажущихся умниковъ»; «нѣтъ хуже *деспотизма такъ-называемыхъ умныхъ людей*, которыхъ, какъ китайскаго болванчика, постоянно перевѣшиваетъ голова». Иной попадаетъ въ умники только потому, что жолчно бранитъ всѣхъ и каждаго. «Злюкъ, желчевикъ, но какая голова»! восклицаютъ легковѣрные, и предлагаютъ ему завѣдывать критическимъ отдѣломъ, и такимъ образомъ человѣкъ, нѣкогда кричавшій противъ авторитетовъ, самъ попадаетъ въ авторитеты. А какое самое подходящее, по мнѣнію Тургенева, названіе для подобнаго умника, можно видѣть изъ заглавія, даннаго Тургеневымъ своему мастерскому очерку.

Въ нѣкоторой части нашего общества недовѣрчиво смотрѣли на преобразованія, совершавшіяся у насъ въ шестидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Въ одномъ изъ романовъ Тургенева, относящихся къ этому времени, высокопоставленный политикъ снисходительно допускалъ просвѣщеніе, но съ тѣмъ, чтобы не было ни университетовъ, ни семинарій, ни народныхъ училищъ. Онъ не прочь и отъ прогресса, но чтобы не было ни гласнаго суда, ни земскаго самоуправленія, да — «дисциплины, дисциплины пуще всего не трогайте, а мосты, и набережныя и гошпитали вы можете строить, и улицъ газомъ отчего не освѣщать».

Несчастная слабость многихъ русскихъ заключается въ томъ, что они готовы и въ огонь и въ воду для устройства чужого благополучія, но не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на свои домашнія дѣла. Одна русская барыня сдѣлалась вдругъ, неизвѣстно почему, «легитимисткой, и увѣряла всѣхъ, что когда она умретъ, то стоитъ только вскрыть ея тѣло, и на сердцѣ ея найдутъ начертаннымъ имя Генриха V». Мы никакъ не можемъ придумать порядочной «зерносушилки, которая избавила бы отъ необходимости сажать хлѣбные снопы въ овины какъ во времена Рюрика», а — настрочить статейку о значеніи пролетаріата во Франціи, или «поднять старый, стоптанный башмакъ, свалившійся съ ноги Сенъ-Симона или Фурье, и почтительно возложить его на голову и носиться съ нимъ, — это мы въ состояніи» и т. п.

Но были предметы, до которыхъ не могла касаться иронія Тургенева и къ которымъ онъ относился съ глубокимъ и непритворнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ.

Идеальный міръ искусствъ былъ для Тургенева обѣтованною страною. Онъ говоритъ: «Развѣ нѣтъ великихъ представленій, великихъ утѣшительныхъ словъ: право, свобода, человѣчество, искусство! Искусство, пожалуй, сильнѣе другихъ, мною упомянутыхъ словъ. Венера милосская, пожалуй, несомнѣннѣе римскаго права или принциповъ 89-го года».

Тургеневъ высоко цѣнилъ науку, и говорилъ о ней съ тѣмъ искреннимъ одушевленіемъ, которое вполнѣ достойно просвѣщеннаго писателя: «Нужна образованность, нужно знаніе. Ученіе — не только свѣтъ, по народной пословицѣ, оно также и свобода... Не поощряйте, ради Бога, у насъ на Руси мысли, что можно чего-нибудь добиться безъ ученія. Нѣтъ, будь ты хоть семи пядей во лбу, а учись и учись» и т. п.

Любовь къ родинѣ присуща душѣ каждаго человѣка. Кого-же и любить, какъ не родину: «что́ выше всѣхъ сомнѣній, чему нельзя не вѣрить послѣ Бога», — говоритъ одинъ изъ героевъ Тургенева. Любовь къ родинѣ и вѣра въ нее проявляется различнымъ образомъ. У Тургенева, какъ у художника слова, она выразилась всего ярче въ благоговѣйной любви къ самому художественному произведенію русскаго народа—къ русскому языку. «Россія — говоритъ Тургеневъ — безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто думаетъ обойтись безъ нея; двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится»!

Тургеневъ, и по своему чувству художественной мѣры и по своему взгляду на народность, тщательно избѣгалъ восторженныхъ отзывовъ о русскомъ народѣ, которые можно бы принять за самовосхваленіе. Тѣмъ замѣчательнѣе, что, при такой строгой сдержанности, всякій разъ, когда заходила рѣчь о русскомъ народѣ, Тургеневъ говорилъ такія вещи, которыя западаютъ въ душу читателя, пробуждая въ ней сочувствіе къ рус-

скому народу. Беру примѣры изъ произведеній, отличающихся особенною искренностью и задушевностію.

Когда русскія войска находились заграницею, одинъ изъ нашихъ солдатъ погибъ ни въ чемъ неповинною жертвою тогдашнихъ строгостей. Хозяйка, у которой жилъ солдатъ, обвиняла его въ томъ, что онъ обокралъ ее. Обвиненіе было совершенно несправедливое, да и украдены всего двѣ куры но, по военному времени и по приказу главнокомандующаго, солдата велѣно повѣсить. Когда его привели къ висѣлицѣ, хозяйка, неожидавшая такого страшнаго рѣшенія, стала горько плакать; а русскій солдатъ, котораго священникъ исповѣдалъ и причастилъ, обратился къ стоявшему подлѣ него: «Скажите ей, чтобъ она не убивалась: вѣдь я ей простилъ» .... Свидѣтель казни воскликнулъ: «праведникъ»! и слезы закапали по его щекамъ.

А сколько теплаго чувства, сколько истины и любви, въ небольшомъ «стихотвореніи въ прозѣ», названномъ: *Два богача.* «Когда при мнѣ — говоритъ авторъ — превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громадныхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на лѣченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ, — я хвалю и умиляюсь. Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту-племянницу въ свой разоренный домишко. — Возьмемъ мы Катьку, говорила баба, послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ: не́ на что будетъ соли добыть, похлебку посолить. — А мы ее и несоленую, отвѣтилъ мужикъ... Далеко Ротшильду до этого мужика»!

Одинъ изъ героевъ Тургенева, мучимый сомнѣніемъ, готовый отвергнуть всѣ авторитеты, склоняется передъ однимъ изъ нихъ, обращаясь къ нему съ такою мольбою: «А ты, невѣдомый намъ, но любимый нами всѣмъ нашимъ существомъ, всею кровью нашего сердца, русскій народъ, прими насъ не слишкомъ безучастно, и научи насъ, чего мы должны ждать отъ тебя».

Между этимъ, во многихъ отношеніяхъ еще «невѣдомымъ» міромъ и русскими писателями и учеными, составляющими не-

отъемлемую и необходимую часть великаго цѣлаго, называемаго русскимъ народомъ, — существуетъ и должна существовать неразрывная связь. Этимъ связующимъ началомъ, въ которомъ исчезаетъ всякая рознь, служитъ драгоцѣннѣйшее достояніе всего русскаго народа — могучій и прекрасный русскій языкъ. Говоря и думая на родномъ языкѣ, геніальный русскій ученый или писатель видитъ въ простомъ русскомъ человѣкѣ своего роднаго брата, «своего соотчича, русскую косточку». Тургеневъ считалъ священнѣйшею обязанностью русскихъ писателей дорожить русскимъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ сокровищемъ. «Одна, послѣдняя просьба: — говоритъ Тургеневъ, обращаясь къ писателямъ — берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ опять-таки Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ; въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса! Даже тѣмъ, которымъ не по вкусу «философскія отвлеченности» и «поэтическія нѣжности», людямъ практическимъ, въ глазахъ которыхъ языкъ не что иное, какъ средство къ выраженію мысли, какъ простой рычагъ, — даже имъ скажу я: уважайте, по крайней мѣрѣ, законы механики, извлекайте изъ каждой вещи всю возможную пользу. А то, право, пробѣгая иныя, вялыя, смутныя, безсильно-пространныя разглагольствованія въ журналахъ, читатель невольно долженъ думать, что именно *рычагъ*-то вы замѣняете первобытными подпорками, — что вы возвращаетесь къ младенчеству самой механики» . . . .

Тургеневъ поучалъ молодыхъ русскихъ писателей не только словомъ, но и дѣломъ — своими произведеніями, представляющими превосходные образцы русскаго литературнаго языка. Какъ въ своей поэзіи, такъ и въ своемъ языкѣ — въ своемъ замѣчательномъ умѣньи пользоваться сокровищницею родного языка Тургеневъ является достойнымъ ученикомъ Пушкина. Подобно Пушкину, онъ чрезвычайно строго относился къ своимъ произведеніямъ, и ревностно занимался обработкою ихъ со сто-

роны языка. Увлекательная, живая, художественная рѣчь Тургенева заключаетъ въ себѣ — если внимательно вникнуть въ нее — несо́мнѣнные признаки работы писателя, взвѣшивающаго каждое слово, каждое выраженіе. И не видавъ черновыхъ рукописей Тургенева, можно, въ иныхъ случаяхъ, полагать, что такое-то слово замѣнено другимъ; что порядокъ словъ измѣненъ вслѣдствіе такихъ-то соображеній, вытекающихъ изъ требованій языка, и т. п.

О какомъ-бы русскомъ писателѣ ни говорилъ Тургеневъ, какую-бы русскую книгу ни читалъ онъ, отъ его пытливаго взора не укрывалась ни одна черта, заслуживающая вниманія въ отношеніи языка. Описывая литературный вечеръ у П. А. Плетнева, Тургеневъ дѣлаетъ такое замѣчаніе о Плетневѣ: «Онъ вполнѣ выразился въ своихъ малочисленныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ *языкомъ образцовымъ, хотя немного блѣднымъ*». Въ воспоминаніяхъ своихъ о Бѣлинскомъ, упомянувъ о повѣсти Д. В. Григоровича: «Деревня», Тургеневъ сейчасъ же прибавляетъ: «написана она *языкомъ нѣсколько изысканнымъ*, не безъ сантиментальности; но стремленіе къ реальному воспроизведенію крестьянскаго быта было несомнѣнно». Даже о лицѣ вымышленномъ, въ романѣ: «Накануне», Тургеневъ говоритъ, «Берсеневъ не теряетъ даромъ времени; изъ него выйдетъ дѣльный профессоръ; ученая публика обратила вниманіе на его двѣ статьи. *Жаль только, что обѣ статьи написаны языкомъ нѣсколько тяжелымъ, и испещрены иностранными словами*», и т. п.

Независимо отъ свойствъ, которыя дороги въ русскомъ языкѣ каждому русскому писателю и ученому, Тургеневъ, во глубинѣ души своей, придавалъ русскому языку еще особенное, высокое значеніе, неподходящее подъ уровень обыкновенной любви къ нему. Для внутренняго міра Тургенева, для его ума и сердца, русскій языкъ былъ не только завѣтною святынею, но и великою нравственною силою, спасавшею его отъ колебаній и сомнѣній, отъ убійственныхъ тревогъ и отчаянія. Прямо изъ

души вылились слова Тургенева, которыя можно назвать его лебединою пѣснью: «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ. Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу»!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ А. Е. ВИКТОРОВѢ.

(Академика А. Ѳ. Бычкова.)

22-го іюля 1883 года скончался въ городѣ Пятигорскѣ отъ брюшного тифа, на рукахъ незнакомыхъ людей, членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности Алексѣй Егоровичъ Викторовъ, извѣстный своими учеными трудами, между которыми изслѣдованія и описанія памятниковъ нашей древней письменности и печати занимаютъ особенно выдающееся мѣсто. А. Е. Викторовъ родился 2-го февраля 1827 года. Онъ былъ сынъ діакона с. Студенникова (Мценскаго уѣзда Орловской губ.) Георгія Захарова. На 14-мъ году возраста (въ 1841 году) его помѣстили въ Орловскую Духовную семинарію, гдѣ онъ окончилъ курсъ въ 1846 году. Въ августѣ того же года онъ поступилъ въ Московскую Духовную академію и 13 іюня 1851 года получилъ степень кандидата (курсъ наукъ въ академіи онъ окончилъ еще въ 1850 году). Въ 1852 году по болѣзни онъ былъ уволенъ изъ духовнаго званія и 16 мая того же года опредѣленъ на службу въ Московскій Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ младшимъ архиваріусомъ. Съ этого времени слѣдуетъ считать службу А. Е. Викторова и

наукѣ. Изъ духовной академіи Алексѣй Егоровичъ, по собственнымъ его словамъ, находящимся въ письмѣ, помѣщенномъ въ концѣ статьи И. И. Срезневскаго «Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова» [1]), вынесъ «логическую выправку и умѣнье самостоятельно работать въ какой бы то ни было области» и благодарную память о двухъ профессорахъ А. В. Горскомъ и Ѳ. А. Голубинскомъ. Въ архивѣ Викторовъ познакомился съ дотолѣ невѣдомою ему археографіею, полюбилъ эту весьма сухую науку, требующую большого вниманія, точности и разнообразныхъ знаній, и не покидалъ ея во всю свою жизнь, полюбилъ ее настолько, что она завладѣла всѣми его помыслами, что ей посвятилъ онъ всѣ свои силы. Одною изъ первыхъ работъ Викторова въ архивѣ было сличеніе греческаго текста хроники Іоанна Малалы съ славянскимъ ея переводомъ, находящимся въ рукописномъ сборникѣ архива и въ хронографѣ Синодальной библіотеки. Во время своей службы въ архивѣ Алексѣй Егоровичъ приступилъ, какъ самъ выражается, «ощупью», къ изученію и описанію церковно-славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки, и въ это же время предпринялъ громадный и въ высшей степени любопытный и важный трудъ, къ сожалѣнію неоконченный и потому не явившійся въ печати, это — описаніе Макарьевскихъ Чети-Миней. Въ этомъ трудѣ онъ намѣревался сличить Макарьевскія Чети-Минеи съ Чети-Минеями другихъ русскихъ редакцій и указать для помѣщенныхъ въ нихъ житій святыхъ подлинники, сохранившіеся въ греческихъ рукописяхъ, или вошедшіе въ Acta Sanctorum въ переводѣ на латинскій языкъ. Шесть лѣтъ неустанно изо дня въ день Викторовъ работалъ надъ рукопи-

---

[1]) Статья эта помѣщена въ 22 томѣ Сборника Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Въ ней обстоятельно говорится о трудахъ А. Е. Викторова, сдѣлана имъ болѣе или менѣе подробная оцѣнка и приведенъ полный ихъ перечень до 1880 года. Въ настоящемъ воспоминаніи объ А. Е. Викторовѣ при тѣхъ его трудахъ, которые напечатаны послѣ составленія этого перечня, мною выставлены въ скобкахъ годы выхода ихъ въ свѣтъ.

сями Синодальной библіотеки въ скромной келліи ея ризничаго о. Саввы, нынѣ архіепископа Тверского и Кашинскаго, и здѣсь сошелся съ профессорами Московскаго университета Шевыревымъ, Бодянскимъ и Буслаевымъ, особенно съ послѣднимъ, котораго указаніямъ и наставленіямъ онъ много былъ обязанъ успѣхами въ своихъ дальнѣйшихъ занятіяхъ археографіею и палеографіею. По приглашенію Буслаева Викторовъ въ это время выступилъ также на педагогическое поприще, принявъ на себя, впрочемъ на короткое время, преподаваніе русскаго языка и исторіи литературы русской и иностранной въ Маріинско-Ермолаевскомъ женскомъ училищѣ. И эти обязанности онъ исполнялъ, какъ и всѣ другія, которыя несъ, съ полною добросовѣстностью, знаніемъ дѣла и увлеченіемъ.

Въ 1861 году Викторовъ по предложенію Ѳ. И. Буслаева былъ выбранъ помощникомъ библіотекаря Московскаго университета, а въ 1862 году былъ назначенъ хранителемъ отдѣленія рукописей и старопечатныхъ книгъ въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ и въ этой послѣдней должности оставался до своей преждевременной кончины. Выборъ Викторова въ хранители слѣдуетъ назвать весьма удачнымъ: рѣдко можно найти человѣка столь преданнаго книжному дѣлу, какимъ былъ Алексѣй Егоровичъ. Съ этого времени началась для него кипучая дѣятельность, источникомъ которой служило желаніе и обогатить, на сколько возможно, ввѣренное ему отдѣленіе, и сообщить ему образцовый порядокъ. И дѣйствительно онъ достигъ и того, и другого. Своими просьбами, уговорами, хлопотами, усиліями, посредствами и настоятельными ходатайствами онъ успѣлъ ввести въ составъ музея цѣлыя весьма замѣчательныя собранія рукописей и старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ и такимъ образомъ тѣсно связалъ свое имя съ учрежденіемъ, въ исторіи котораго ему будетъ безспорно отведена одна изъ самыхъ лучшихъ ея страницъ. Простыя цифры, указывающія насколько увеличилось въ музеѣ, благодаря А. Е. Викторову, число рукописей и старопечатныхъ книгъ за время завѣдыванія имъ по-

рученнымъ ему отдѣленіемъ, — а ихъ увеличилось: первыхъ съ 800 нумеровъ до 5.000, а вторыхъ съ 200 до 3.000, — могутъ служить самымъ безпристрастнымъ и краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ пользы, принесенной имъ музею. Если же мы обратимъ вниманіе на то, что всѣ эти собранія болѣе или менѣе подробно описаны Викторовымъ въ отчетахъ музея и въ отдѣльно изданныхъ каталогахъ, то нельзя не сознаться, что Алексѣй Егоровичъ этимъ самимъ принесъ огромную пользу и для всѣхъ занимающихся, облегчивъ имъ такимъ образомъ пользованіе богатствами музея, которыя иначе лежали бы подъ спудомъ. Перечислимъ изъ числа многихъ нѣкоторые его труды по этой части, составляющіе цѣнный вкладъ въ науку: «Собраніе славяно-русскихъ рукописей В. М. Ундольскаго. Библіографическій очеркъ», присоединенный къ каталогу, имѣющему заглавіе: «Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго» и ознакомившій ученыхъ со всѣми вообще отдѣлами этого весьма важнаго собранія и въ частности съ наиболѣе замѣчательными рукописями, не описанными ихъ собирателемъ, а потому и не вошедшими въ изданный каталогъ; «Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Д. Пискарева»; «Собраніе рукописей В. И. Григоровича»; «Собраніе рукописей П. И. Севастьянова» (1881), «Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева» (1881) и «Бумаги Н. В. Сушкова въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ».

Преданный до самозабвенія дѣлу археографіи, искреспвшій на свои средства почти всю Россію съ исключительною цѣлію обслѣдовать рукописныя и печатныя богатства, хранящіяся въ библіотекахъ монастырскихъ, правительственныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, Викторовъ представлялъ собою рѣдкій въ наше время образецъ человѣка, жертвующаго всѣмъ излюбленному предмету, не ожидая за это никакого вознагражденія, даже никакихъ похвалъ. Очень часто послѣ продолжительнаго и утомительнаго переѣзда до намѣченнаго мѣста, Викторовъ немедленно приступалъ къ занятіямъ, нѣсколько часовъ сряду работалъ въ холодной и сырой комнатѣ, въ которой помѣщались рукописи и

книги, не обращая ни малѣйшаго вниманія на вредную и удушливую атмосферу подобныхъ книгохранилищъ, и донельзя былъ счастливъ, когда ему удавалось найти что-либо неизвѣстное или дополняющее его прежнія изысканія. Но кромѣ библіографическихъ трудовъ, несомнѣнно весьма полезныхъ, въ которыхъ разсѣяны разнаго рода замѣтки—плодъ иногда долгихъ и усидчивыхъ разысканій и счастливыхъ соображеній, доставившихъ Викторову извѣстность, какъ самаго лучшаго палеографа и библіографа,— нельзя пройти молчаніемъ и другіе его труды, обратившіе на него вниманіе ученыхъ и Академіи Наукъ. Къ числу такихъ принадлежатъ: «Алфавитный указатель славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки», одинъ изъ самыхъ раннихъ его ученыхъ трудовъ, для котораго главнымъ пособіемъ служило описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки, составленное бывшимъ синодальнымъ ризничимъ, архимандритомъ Евстаѳіемъ; «Фотографическіе снимки съ миніатюръ греческихъ рукописей, находящихся въ Москвѣ», съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ; ихъ вышло три выпуска, въ которыхъ помѣщено 82 листа снимковъ изъ четырехъ рукописей; «Библіотека и историческая дѣятельность Московской синодальной типографіи», сочиненіе полемическаго характера, написанное по поводу статьи Безсонова: «Типографская библіотека въ Москвѣ. Историческій очеркъ» и заключающее въ себѣ много новыхъ и любопытныхъ данныхъ какъ о составѣ и судьбѣ типографской библіотеки, такъ и объ участіи Московской типографіи въ дѣлѣ исправленія богослужебныхъ книгъ; «Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ», значительное по объему сочиненіе, заслужившее самый одобрительный отзывъ строгихъ судей и отличающееся безпристрастіемъ при разборѣ мнѣній относительно времени происхожденія глаголицы и лица, которому принадлежитъ ея изобрѣтеніе; «Кириллъ и Меѳодій. Новые источники и ученые труды для исторіи славянскихъ апостоловъ», критическій обзоръ данныхъ о жизни и дѣятельности славянскихъ первоучителей, обнародованныхъ съ 1840-хъ годовъ по 1858 г.—время

появленія въ печати этого труда; «Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ, 1584 — 1725 г.», два выпуска (второй выпускъ вышелъ въ 1883 году). Въ составъ перваго выпуска вошло описаніе дѣлъ и документовъ Казеннаго приказа, Государевой Мастерской палаты и Царицыной Мастерской палаты, а въ составъ втораго — описаніе дѣлъ и документовъ, касающихся Оружейной палаты, Конюшеннаго приказа, Серебряной и Золотой палаты, Приказа Большаго Дворца, приказа тайныхъ дѣлъ, Государева Кабинета и дворцовыхъ церквей. Въ концѣ труда помѣщено описаніе записныхъ книгъ посторонниxъ приказовъ по городу Москвѣ и по другимъ городамъ. Это изданіе, составляющее богатый источникъ для изученія царскаго быта и обихода, драгоцѣнно по многимъ обширнымъ извлеченіямъ, которыя Викторовъ помѣстилъ въ немъ изъ записныхъ книгъ; «Замѣчательное открытіе въ древне-русскомъ книжномъ мірѣ» — въ этой статьѣ сообщаются подробныя свѣдѣнія о Псалтири, первой книгѣ, напечатанной докторомъ Францискомъ Скориною 6 августа 1517 года; «Государственное древлехранилище въ теремахъ Московскаго Кремлевскаго Дворца» (1882), краткій очеркъ, въ которомъ Алексѣй Егоровичъ сообщилъ о находящихся въ древлехранилищѣ собраніяхъ письменныхъ памятниковъ, изъ которыхъ многіе первостепенной важности; «Стефанитъ и Ихнилатъ» (1881) — тексту этого памятника, изданному по тремъ древнѣйшимъ славянскимъ спискамъ, Викторовъ предпослалъ обозрѣніе редакцій и списковъ славянскаго текста и нѣсколько замѣчаній объ отношеніи его къ греческому подлиннику, и др. Въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ Алексѣй Егоровичъ помѣстилъ много документовъ весьма любопытныхъ или въ историческомъ, или въ историко - литературномъ отношеніяхъ. Мы здѣсь ихъ не коснемся, такъ какъ значеніе ихъ уже оцѣнено спеціалистами, а всѣ они перечислены въ упомянутой выше статьѣ Срезневскаго.

До сихъ поръ мы говорили о печатныхъ трудахъ Викторова; но извѣстно, что въ его портфеляхъ, кромѣ названнаго

выше Описанія Макарьевскихъ Чети-Миней, должны находиться частью почти оконченные, а частью только что начатые, слѣдующіе изслѣдованія и труды, которые желательно было бы видѣть изданными, по возможности въ скорѣйшемъ времени: «Краткое описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекахъ, находящихся въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой», которое онъ предназначалъ для помѣщенія въ «Лѣтописи занятій Археографической коммиссіи»; «Систематическое обозрѣніе книгъ церковнославянской печати», въ которомъ книги каждаго разряда, напр. Азбуки, Учительныя Евангелія, Часословы и пр. долженствовали быть сличены между собою, съ указаніемъ разностей, встрѣчающихся въ ихъ составѣ, времени появленія этихъ разностей и т. д.; наконецъ, обширное сочиненіе, имѣющее цѣлію доказать, что книгопечатаніе существовало въ Россіи ранѣе появленія Апостола, напечатаннаго въ 1564 году Иваномъ Ѳедоровымъ. Часть этого любопытнаго сочиненія была читана на 3-мъ Кіевскомъ Археологическомъ съѣздѣ, возбудила общее вниманіе и появилась въ трудахъ съѣзда подъ заглавіемъ: «Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде 1564 года?»

Трудами, подобными тѣмъ, которые совершилъ и намѣревался исполнить Викторовъ, постепенно, хотя и незамѣтно, расширяется кругъ знаній, и такими трудами нельзя не дорожить. Признаніе за ними извѣстной степени важности доказывается избраніемъ Викторова Академіею Наукъ въ члены-кореспонденты и многими учеными обществами — въ свои дѣйствительные члены. Въ лицѣ Викторова наука лишилась преданнаго ей всей душой, энергическаго и образованнаго работника, отсутствіе котораго будетъ ощутительно и для лицъ, занимающихся въ рукописномъ отдѣленіи Московскаго музея, и для ученыхъ, обращавшихся къ нему, какъ за разрѣшеніемъ разнаго рода вопросовъ, такъ и за справками и указаніями. Удовлетворять разнообразныя просьбы и посѣтителей музея, и иногородныхъ изыскателей и изслѣдователей древнихъ русскихъ письменныхъ и печатныхъ памятниковъ и сообщать имъ то, что для нихъ было нужно, составляло для

Викторова истинное, неподдѣльное удовольствіе, и не было примѣра, чтобы въ этомъ отношеніи съ его стороны встрѣчался отказъ. Его письма къ лицамъ, которыя вели съ нимъ переписку, часто представляли цѣлыя разсужденія, подкрѣпленныя доводами и ссылками, взятыми изъ богатаго запаса собранныхъ имъ свѣдѣній. Эта сообщительность Викторова и готовность со всѣми дѣлиться своими знаніями; его неукоснительное исполненіе служебнаго долга; его прямой характеръ, наконецъ, его отзывчивость на вопросы, возникавшіе въ жизни и въ средѣ общества, сообщали, въ высшей степени, привлекательность его личности для всѣхъ, болѣе или менѣе близко знавшихъ покойнаго Алексѣя Егоровича, не смотря на внѣшнюю его угрюмость и сосредоточенность. Желательно, чтобы наше отечество имѣло поболѣе дѣятелей, похожихъ на него, и чтобы ряды ихъ не умалялись, а напротивъ увеличивались.